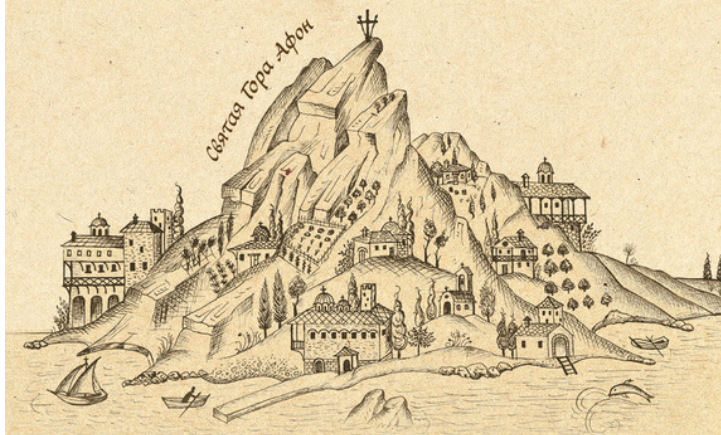

Житие преподобного Паисия Святоторца

МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
ИОАННА БОГОСЛОВА, СУРОТИ, САЛОНИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОРФОГРАФ», МОСКВА
2017

Анонимный автор
Житие преподобного
Паисия Святогорца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26336324

*Житие преподобного Паисия Святогорца: Орфограф; Москва; 2017
ISBN 978-5-9907764-9-4*

Аннотация

Житие преподобного Паисия Святогорца (1924–1994), афонского монаха, известного всему миру и торжественно причисленного к лику святых в 2015 году, переносит читателя в атмосферу духовного подвига, пламенного устремления к Богу и самоотверженной любви к ближнему, которые были характерны для святого Паисия с раннего детства и до самой его преподобнической кончины. Немало встречается на страницах жития сверхъестественных событий и чудес, но основное внимание в книге уделено именно человеческим усилиям старца Паисия: его непоколебимому упованию на Бога и Матерь Божию, его молитвенным трудам, его смиренному служению ближним, его терпению в скорбях и тяжёлых болезнях. С любовью и тщательностью описанные детали жития преподобного делают его близким и родным читателю, вдохновляя разумно подражать подвигам святого. Книга предназначена всем интересующимся Православием и монашеством. 2-е издание.

Содержание

Патриаршее и Синодальное решение о причислении к лику святых	11
Пролог	19
Глава I. Из акритских[14] Фарас – в пределы матери-Эллады	27
Наследник крови героев	32
Сорок дней беженства	38
Глава II. Детские и юношеские годы	43
Семейное воспитание	46
Первые аскетические подвиги	54
Обучение благословенному ремеслу. 1937– 1940 годы	60
Духовные упражнения	63
«Я – Воскресение и Жизнь»	69
«Я не для мира сего»	71
Крестьянские труды. 1940–1944 годы	73
Духовное делание	77
Радость жертвы	80
Страдания и опасности. 1944–1948 годы	83
Во время Коницкого сражения	90
Глава III. Военная служба	94
В Центре подготовки молодого бойца	97
В Пехотной школе связи	99

«Буйная рота»	103
Рация спасает роту	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Житие преподобного Паисия Святогорца

Тропарь преподобному Паїсію Святогóрцу

Глас 5. Подобен: Собезначальное Слово:

*Божѣственныйя любѣ́ огонь приѣмьй, /
превосходя́щим подвигом вда́лся еси́ весь Бо́гови, /
и утешѣ́ние мно́гим людем был еси́, /
словесы́ Божѣственными наказу́й, / моли́твами
чудотворя́й, / Паїсие Богоно́се, / и ны́не мо́лишися
непреста́нно // о всем мі́ре, преподобне.*

Конда́к

Глас 8. Подобен: Взбра́нной:

*А́нгельски на земли́ пож́ивьй, / любóвию
просия́л еси́, преподобне Паїсие, / мона́хов вели́кое
утвержда́ние, / вѣ́рных к жити́ю свято́му возждь, /
вселе́нныя же утешѣ́ние сладчай́шее показáлся еси́, /
сего́ ради зове́м ти: // радуйся, о́тче всемі́рный.*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви № ИС Р16–627–3428

Перевод на русский язык выполнен братией Свято-Преображенского скита Данилова мужского ставропигиального монастыря г. Москвы с издания:

‘Ο Ἅγιος Παΐσιος ὁ Ἀγιορείτης. Ἱερὸν Ἠσυχαστήριον Μοναζουσῶν Εὐαγγελιστῆς Ἰωάννης ὁ Θεολόγος",

Σουρωτή Θεσσαλονίκης, 2015.

© Ἱερὸν Ἡσυχαστήριον Μοναζουσῶν "Εὐαγγελιστῆς Ἰωάννης ὁ Θεολόγος", 2015

© Издательство «Орфограф», издание на русском языке, 2017

* * *

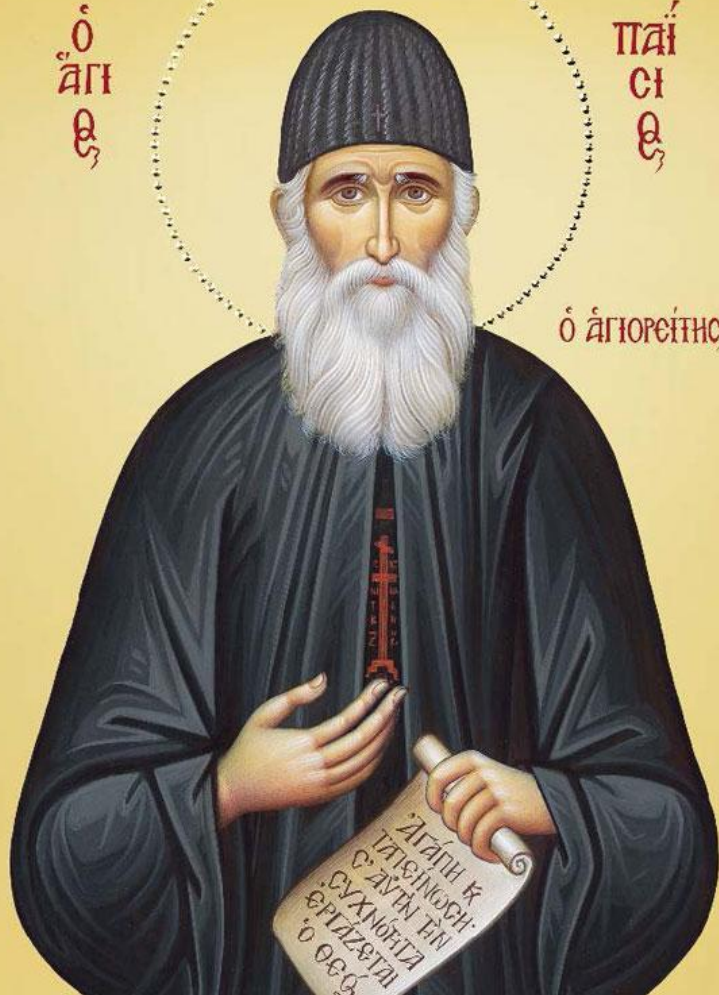
Преподобный Паисий Святгорец (икона, написанная для

Свято-Преображенского скита Данилова монастыря)

ὁ
ἀγ
γ

παῖ
σι
γ

ὁ ἁΓΙΟΡΕΪΤΗΣ,

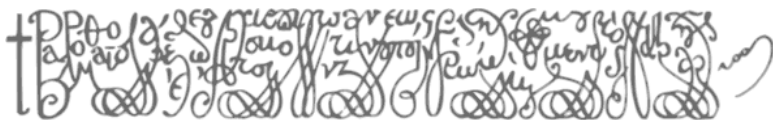

Преподобный Паисий Святгорец (икона, написанная в
исихастирии святого Иоанна Богослова в 2004 году)

Патриаршее и Синодальное решение о причислении к лику святых

*И будет муж, его́же а́ще избере́т Госпо́дь, сей
свят.*

Числ. 16:7

Граничающая с Небом гора Афон есть воистину Гора Божия, Гора Святая и удел Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Афон есть поприще духовной борьбы, место подвига, покаяния и молитвы, мастерская святости для подвизавшихся там на протяжении веков бесчисленных подвижников, жителей пустынных келий и монастырей, монахов от всякого племени и народа, как известных по имени, так и оставшихся неизвестными. Святая Афонская Гора, находясь под канонической и духовной юрисдикцией, а также под постоянной церковной заботой и попечением Святой Христовой Великой Константинопольской Ма-

тери-Церкви, есть её похвала и венец. Афон – это неистощимый источник молений о вселенной, таинственно протекающий из непрестанных, денных и ночных молитв и молений святогорских монахов, которые молятся «о свѣишем ми́ре и о спасѣнии душ» находящихся в разных концах земли православных христиан, а также «о ми́ре всего ми́ра и о благостоянии свѣи́х Бѣи́их Церквѣи́». Огромное множество боголюбиво подвизавшихся и скончавшихся на Афоне аскетов, начиная с первого известного среди них, преподобного Петра Афонского, своим подвижническим потом и боголюбивыми трудами стали избранными сосудами Святаго Духа, были украшены многообразными и чудесными Божественными дарованиями, такими как дар прозорливости, дар чудотворения, дар различения духов, дар непрелыщѣнного духовного руководства, дар утешения словом, а также многими другими. Сии духовно украшенные мужи и сами украшают ныне многозвѣздное небо нашего православного календаря, непрестанно указывая нам путь в Царство Небесное.

В согласии со словами Самого Бога, Который устами Своего человека дал первосвященнику Илию и одновременно всем верующим в Божий закон следующее обетование: *Прославляющий Мя просла́влю*,¹ наша Матерь Святая Христова Великая Церковь с самого начала своего спасительного пути в мире не переставала признавать достойными прославления сии божественные и святые сосуды Духа – скорее ангелов,

¹ 1 Цар. 2:30.

чем людей, — которые подвигами, словами и многочисленными делами прославили Небесного Отца. Итак, Церковь прославила их и будет прославлять их до скончания века, как и подобает святым.

Святой апостол Павел в Послании к Римлянам сказал: *Иде́же бо умно́жися грех, преизбы́точествова благода́ть.*² Святая Церковь непрестанно переживает эту реальность, и наше время не является исключением. Церковь Христова постоянно причисляет к лику святых всё новых и новых всемирно известных и малоизвестных преподобных подвижников, взявших на себя крест и последовавших стопам Крестоносца Иисуса Христа, Который Своею крестною смертью упразднил *имеющего державу смерти*,³ а Своим славным Воскресением даровал вечную жизнь всякому изволяющему. Воспевая это величайшее Божественное благодеяние Начальника нашей веры, мы в изумлении восклицаем вместе со священными песнопевцами: *Кто Бог ве́лий, я́ко Бог наш? Ты еси Бог, творя́й чудеса*⁴ и: «Ве́лий еси́ Го́споди, и чу́дна дела́ Твоя́ и ни еди́но же сло́во дово́льно бу́дет к пе́нию чуде́с Твои́х».⁵

Таковым преславным продолжателем традиции святости

² Рим. 5:20.

³ Евр. 2:14.

⁴ Пс. 76:14–15.

⁵ См. чин великого освящения воды. — Здесь и далее, если специально не оговорено, примечания редакции.

и смиренным приношением Святейшей Церкви Константинопольской, её нрава и мудрования, явился в наши последние времена просиявший среди сонма *в горах и в вертепах и в пропастех земных*⁶ подвизавшихся и скончавшихся святогорских аскетов богоносный подвижник и многоблагодатный орган Всесвятой Троицы, проистекающий земным родом своим из матери многих святых – Каппадокии и проведший свою уединённую жизнь во многих подвигах и слёзах, преподобнейший монах Паисий, в миру Арсений Эзнепидис, украшенный от Господа сверхъестественными дарованиями, столп истины, прославивший своим чудесным житием Отца нашего, Иже на Небесех. Сей каппадокийский уроженец, монах Паисий из рода Эзнепидисов, более полувека шедший подвижничествою стезею в нищете и добровольных лишениях, по большей части на Святой Афонской Горе, удостоился, по безошибочному свидетельству совести верующих, евангельского совершенства, сочетания мудрости и добродетелей. Монах Паисий, истощив себя многотрудным служением и трезвенными бдениями в послушании Христовом и в любви к Богу и к ближнему, сохранив непорочную православную веру, засвидетельствовал доброе исповедание, во всём своём житии показал себя чуждым *миродержителю тьмы века сего*,⁷ приложил сияние славе Церк-

⁶ Евр. 11:38.

⁷ Еф. 6:12.

ви и подтвердил, что *врата́ адова не одоле́ют ей*.⁸ Сей славный Паисий, пожив преподобием и правдою, стал образцом жительства по Христу, соделался живой иконой добродетели и принял на себя ярем богомудрого наставления и духовного руководства множества православных христиан. Придя в высокую духовную меру, сей муж явился сосудом Духа Всесвятаго и был почтён от Бога дарованием врачевания больных и утешения страждущих.

Ныне же, когда поток благословений, чудес и исцелений, истекающий от могилы сего блаженного подвижника, становится всё больше и больше, преодолевающая вера огромного количества православных христиан побуждает нас, удостоившихся самолично видеть, осязать монаха Паисия и быть связанными с ним духовными узами, собственным свидетельством подтверждая свидетельство полноты церковной совести о святости сего избранника Божия, по положенном исследовании вопроса и соответствующем докладе Синодальной Канонической Комиссии, в присутствии преосвященных митрополитов и других честнейших лиц нашей Церкви, в Духе Святом возлюбленных наших братьев и сослужителей, соборно утвердить и определить и во Святом Духе повелеть, дабы отныне и вовеки на Святоименной Горе проживший своё подвижническое житие монах Паисий был сопричислен к лику преподобных отцов и святых Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Его ежегодную

⁸ Мф. 16:18.

память определяем почитать и воспевать похвальными гимнами 12 июля,⁹ в день, когда он мирно предал свой дух Праведному Судии и Господу Жизни.

В доказательство и подтверждение сего решения составлен наш сей патриарший и синодальный акт, положенный и подписанный в сем священном кодексе нашей Святой великой Христовой Церкви. Точная же копия сего акта посылается в Священный Кинот Святой Афонской Горы, для прочтения в церквах и хранения в архивах.

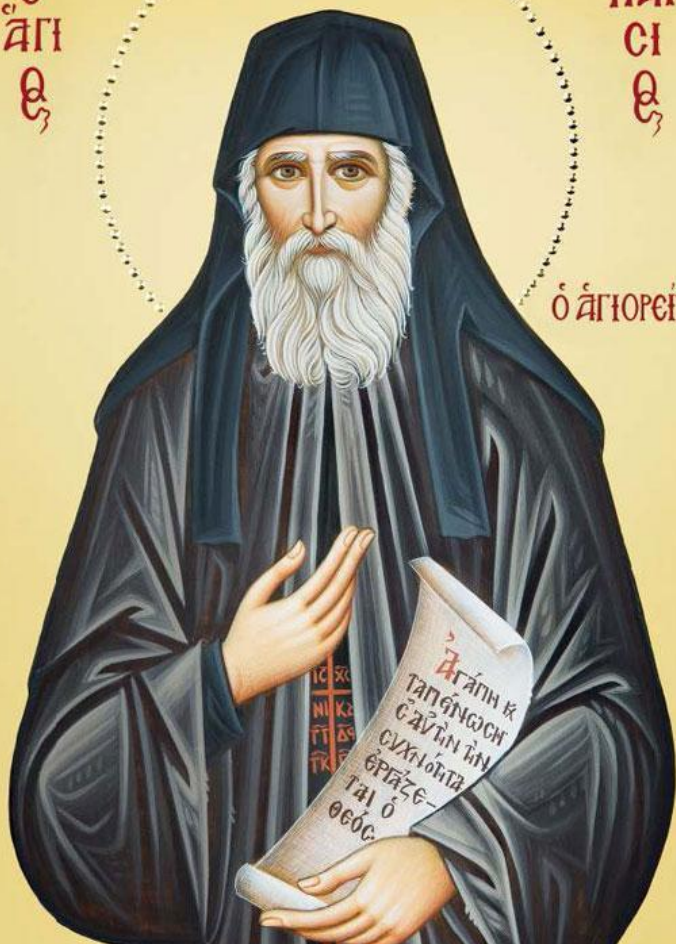
*В год спасительный 2015,
месяца января, в день 12, индикта 8.
Константинопольский Патриарх Варфоломей
Преосвященные митрополиты: Чикагский Иаков
Швейцарский Иеремия
Торонтский Сотирий
Критский Ириней
Симийский Хризостом
Бостонский Мефодий
Мексиканский Афинагор
Гортинский и Аркадийский Макарий
Аркалохорский Андрей
Бельгийский Афинагор
Леросский, Калимносский и Астипалейский Паисий
Кидонийский Афинагор*

⁹ 29 июня по старому стилю.

ὁ
ἅγιος

πᾶσι
σι
ος

ὁ ἁγιορείτης

ἁγία καὶ
ταπεινότης
ἐάντην τὴν
συχνηότητα
ἐργάζε-
ται ὁ
θεός.

Преподобный Паисий Святгорец (икона, написанная в
исихастирии святого Иоанна Богослова в 2014 году)

Пролог

С помощью Божией и после многолетних трудов наше сестричество приступает к изданию жития святого Паисия Святогорца. Нас побуждает к этому священный долг перед преподобным отцом, который целых двадцать восемь лет духовно руководил нами и многообразно нас облагодетельствовал.

Подобно другим духовным счастливым, мы имели великое благословение «в некую меру» познать безмерную любовь преподобного к Богу, его монашескую бескомпромисс-

ность, совершенное самоотречение, силу его огненной молитвы. Мы вблизи и на опыте пережили его святую простоту и глубокое смирение, его богопросвещённое рассуждение, благородную любовь ко всякому человеку, а также старание всячески скрыть свою добродетель от других.

Поэтому мы подумали, что держать под спудом имеющееся у нас богатство сведений о преподобном старце было бы неправильно, и тогда решили: по силам попытаться изложить эти сведения в стройном порядке и составить житие преподобного старца.

Сведения, которые содержатся в этой книге, главным образом получены во время нашего общения с преподобным. Мы записывали его беседы со всем сестричеством и с каждой из нас отдельно. Кроме того, мы бережно храним его письма ко всему сестричеству и к отдельным сёстрам. Много лет мы собирали многочисленные письменные и устные свидетельства, доверенные нам знавшими святого старца священнослужителями, монахами и мирянами, по крупицам собирали сведения в тех местах, где он жил и подвизался. Объём собранного материала исчислялся тысячами страниц, и поместить его в биографию святого полностью не представлялось возможным. К тому же мы не хотели, чтобы книга получилась слишком толстой. Поэтому пришлось строго и тщательно просеивать, перебирать собранную информацию и распределять её по временным периодам жизни преподобного Паисия, связывая с тем или иным географическим ме-

стом, куда Бог приводил его стопы. Всё это в конечном итоге привело к тому, что подавляющее большинство свидетельств людей, знавших старца и получивших от него благодеяния, в книгу не вошло. Упаси Боже и подумать, что мы сделали это потому, что посчитали эти свидетельства малозначащими. Конечно, любой опыт общения со святым имеет огромное, неоценимое значение, но если бы все эти свидетельства вошли в житие, книга оказалась бы полна повторов и рассказов об одних и тех же событиях.

Безусловно, несмотря на кажущийся большой объём, сведений о святом Паисии в действительности очень мало, потому что он хранил своё духовное богатство под надёжной охраной, вдали от посторонних глаз, в сокровищнице Божией. Ведь жизнь святых *сокрыта со Христом в Боге*.¹⁰ Потому и внутреннее духовное делание истинного христоносца – преподобного отца нашего Паисия – осталось неизвестным людям и известным одному лишь Богу. И коль уж мы не ведаем о том, каким именно было это тонкое и глубокое внутреннее духовное делание, будем особо внимательны, пытаюсь извлечь выводы из того или иного действия старца. А особенно внимательными надо быть в стремлении слепо, без рассуждения подражать преподобному Паисию, чтобы нам, не дай Бог, не опечалить его, а наипаче – не навредить себе.

Святой Паисий с самого детства имел перед собой одну-единственную цель – Небо. К этой цели он с необычно-

¹⁰ Кол. 3:3.

венной бескомпромиссностью стремился всю свою жизнь. Заботясь только о том, чтобы оказывать послушание заповедям Бога и Его святой воле, он стал «органом Божественным, органом разумным, органом словесным, который настроил и в который ударяет искусный Художник – Дух». ¹¹ Преподобный подъял подвиги, превосходящие человеческую меру, он проливал пот и слёзы, проводил над собой «духовные эксперименты» как «искусный знаток лекарственных трав». «Вкусив горечь» этих духовных опытов, он оставил нам свои «духовные рецепты», следование которым приводит к духовному здравью. Его духовные заветы, оставленные нам, таковы: покаяние и исповедь, любовь и смирение, молитва и терпение, добрые помыслы и дух жертвенности.

В житие не вошли чудеса, которые во множестве он продолжает творить после своей кончины. Мы не включили их в книгу сознательно, помня слова, которые сам преподобный Паисий написал в житии святого Арсения: «Благодать Божия – это не ёмкость, в которой заканчивается вода и она пересыхает. Благодать – это неистощимый источник. Естественно, что святой сейчас, после кончины, помогает людям сильнее, чем он помогал, живя на земле, потому что сейчас он находится близ Небесного Отца. Как Его дитя, с дерзновением, приобретённым ранее, он может получать неограниченную благодать и без препятствий тут же переносить

¹¹ Григорий Богослов, *свт.* Слово 12, сказанное отцу, когда сей поручил ему попечение о Назианзской Церкви.

её страдающим людям, помогая им и давая каждому из них подходящее лекарство». ¹² А кроме этого, мы помним, что когда при жизни святого старца нам время от времени предлагали издать книгу с описанием его чудес, он отвечал, что лучше будет, если об этих чудесах будем рассказывать не мы, а сами люди, получившие чудесную помощь, делая это ради славы Божией.

Преподобный отец наш Паисий, на земле Святогорец, а ныне согражданин ангелов, – общий благодетель всех людей. И Великая Христова Церковь Константинопольская, побуждаемая главным образом «общим церковным признанием святости сего избранного человека Божия», 13 января 2015 года, через двадцать лет после его блаженной кончины, причла его к лику почитаемых святых Православной Церкви.

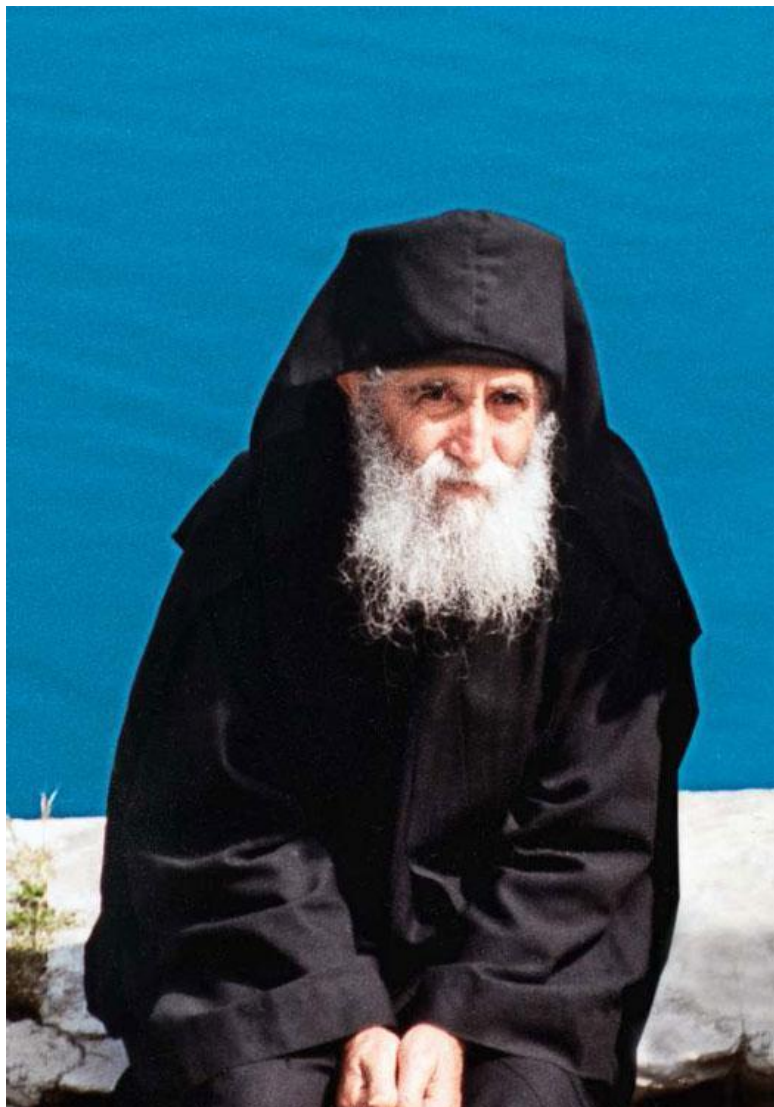
Да подаст святой Паисий своё щедрое благословение и всем тем, кто самыми различными способами помогал нам в непростом деле составления жития. Всех этих людей мы сердечно благодарим. Особенно благодарим тех, кто помогал нам в сборе и проверке биографических сведений, терпя при этом нашу вьедливость и скрупулёзность, зачастую чрезмерную. Также мы весьма благодарны тем, кто трудился с нами в тех или иных местах, связанных с жизнью старца. Спасибо и всем, кто читал рукопись перед её изданием и

¹² См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. М., 2009. С. 115.

своими ценными замечаниями помог ей стать лучше. Вклад всех этих людей в составление книги сложно переоценить.

Молитвенно желаем, чтобы чтение жития преподобного и богоносного отца нашего Паисия Святгорца возжгло в каждом из нас ревность к любочестным духовным подвигам, чтобы, как говорил преподобный отец, мы не были похожи на тех, «кто просто смотрит за соревнованиями спортсменов, не желая при этом даже двинуться с места». Да положим и мы начало покаяния и «доброго подвига», имея перед собой пример святого человека. Этот святой был нашим современником и ещё недавно подвизался рядом с нами, совсем рядом с нами. Да он ведь и сейчас от нас недалеко и помогает нам, предстательствуя перед Подвигоположником Богом, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

*Игуменья обители святого апостола и евангелиста Иоанна
Богослова монахиня Филофея с сёстрами во Христе
Неделя Святой Пятидесятницы 2015 года*

Πρεποдобный Παисий Святογοрец (обложка книги Ἱερομονάχῃ Χριστοδούλῳ Ἀγιορείτῳ «Ὁ Γέρων Παῖσιος». Εκδ. «Ἡ Παναγία, Ἡ φοβερὰ προστασία», Θεσσαλονίκη, 2000)

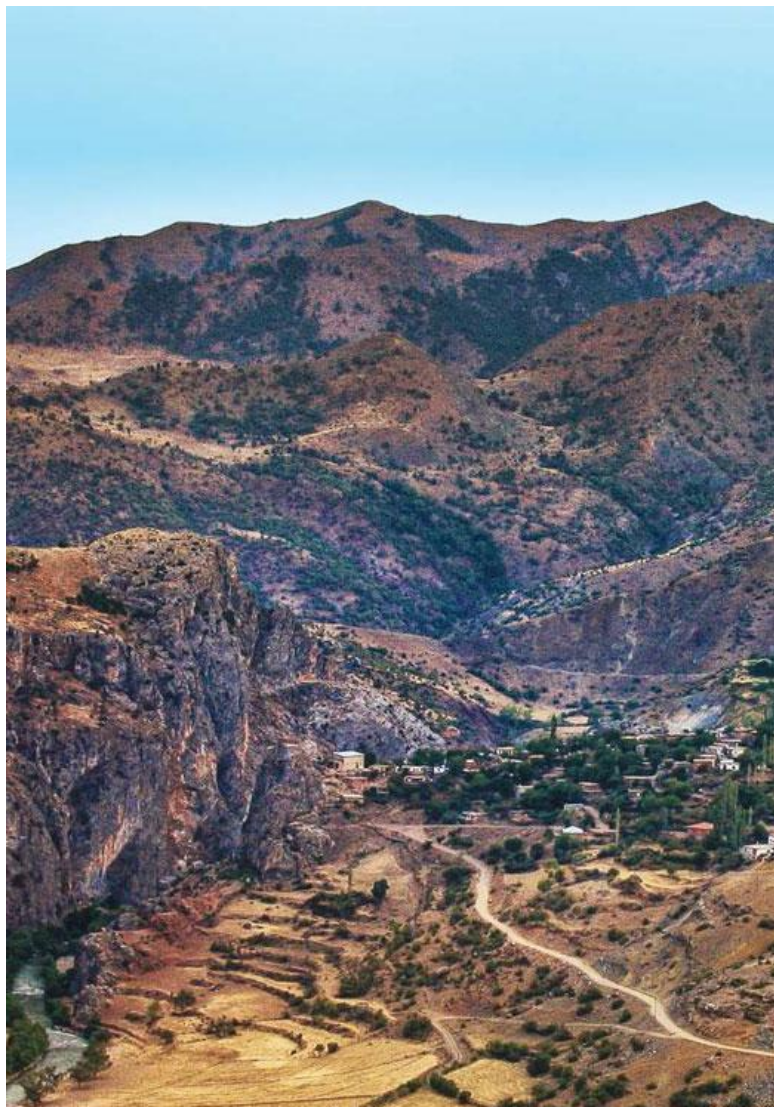
«Даже если бы человек, вынув из своей груди сердце – огромное, как солнце, и столь же ярко сияющее, – отдал его Христу в благодарность за Его великие благодеяния, этого всё равно оказалось бы недостаточно».

Эти слова преподобного Паисия были преизлиянием его многой любочестной¹³ любви ко Христу. Христа преподобный возлюбил больше всех мирских благ. Огонь Божественной любви перекинулся на святого старца, и он «вышел из пределов своего «я», живя вне границ земного притяжения». Он жил, не признавая за собой права ни на что, кроме одного лишь обязательства – непрестанно отдавать Богу и людям всё, включая себя самого: подвигами приносить себя в жертву Богу, а любовьию приносить себя в жертву ближнему.

¹³ *Любoчeстнoе* (греч. φυλότιμοο) – в современном русском языке эквивалента этому слову нет. Небуквально его можно перевести как «великодушное, расположенность к жертвенности, презрение материального ради какого-то духовного или нравственного идеала». Это слово часто встречается в речи старца Паисия, который подчёркивает значение любочестия в духовной жизни.

Глава I. Из акритских¹⁴ Фарас – в пределы матери-Эллады

¹⁴ Акріты – особое сословие в Византийской империи, представлявшее собою организованные общины свободных крестьян-воинов, поселения которых располагались в окраинных районах Малой Азии.

Преподобный отец наш Паисий родился в 1924 году в селении Фарасы – большом акритском селе, расположенном в глубинах малоазиатского полуострова. В начале XX века эти глухие и уединённые места продолжали оставаться островком православной греческой культуры в Турции. Жители Фарас, терпя всякую скудость, были богаты душевным и телесным мужеством. Они зарабатывали на хлеб, возделывая землю, а также трудясь на рудоплавильных печах. Фарасиоты были постоянно готовы пойти на жертву, чтобы защитить свою малую родину от турецких разбойничьих шаек, которые никогда не оставляли в покое греческое население этих мест.

В церковном отношении Фарасы подчинялись Священной митрополии Кесарии Каппадокийской, архипастырем которой в течении сорока лет (с 1832 по 1871 год) был знаменитый своим великим мужеством епископ Паисий II, который, кстати, происходил тоже из Фарас. Этому стойкому архипастырю Вселенская Патриархия часто поручала решение сложных вопросов, связанных со взаимодействием с турецкими властями. Неутомимый и деятельный архиерей всегда окружал особой заботой своё родное село. В последние годы своей жизни (около 1867 года) он назначил в Фарасы на место священноучителя отца Арсения,¹⁵ тоже фарасско-

¹⁵ См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. С. 38.

го уроженца, незадолго до того поступившего в братство общежительного монастыря Честного Предтечи в Флавианах, недалеко от Кесарии.

Обосновавшись в Фарасах, отец Арсений продолжил со строгостью жить по монашескому уставу, пребывая в посте, бдении и молитве. Будучи «монахом без изъяна и упрёка»,¹⁶ отец Арсений передавал всем православную бескомпромиссность, подвижнический и аскетический дух, а также благоговение. Кроме этого, он был безмездным врачом и неусыпным стражем всей местности вокруг Фарас. Своей молитвой он исцелял больных, освобождал бесноватых, невидимыми узами сковывал турецких бандитов.¹⁷ Говоря кратко, он помогал людям всем, чем возможно – причём не только христианам, но и мусульманам, просившим его о помощи. Ведь все знали и Хаджефенди (так стали называть отца Арсения после того, как он совершил паломничество на Святую Землю),¹⁸ и многие чудеса, которые он сотворил благодатью Божией. Все считали его святым, да он поистине и был таким пред Богом. Полвека спустя, в 1986 году, Право-

¹⁶ Так характеризовал преподобного Арсения старец Паисий в своей книге о нём. Подражая с детских лет святому Арсению, преподобный Паисий поставил перед собой цель тоже быть «монахом без изъяна и упрёка». – *Прим. греч. изд.*

¹⁷ См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. С. 88–89, 94–95, 102–103.

¹⁸ *Эфенди* (тур. «господин, повелитель») – вежливое обращение в Османской империи к знатым особам и духовным авторитетам. Приставку «*хаджи*» к своему имени добавляли мусульмане, совершившие паломничество в Мекку.

славная Церковь причислила его к лику преподобных.

Наследник крови героев

Предки преподобного Паисия из рода в род возглавляли сельскую общину Фарас. Его прадеды носили фамилию Дигени́с, а после того, как кто-то из них совершил паломничество в Святые места, – Хаджидигени́с. Однако турки, не желая, чтобы в акритском селе даже произносилось имя византийского героя Дигени́са Акрит́а,¹⁹ заставили прадеда преподобного Паисия – Феодосия Хаджидигени́са поменять фамилию. Феодосий выбрал себе фамилию Феодоси́у. Но, сменив фамилию, род их не поменял текущей в их жилах героической крови. Как говорил впоследствии сам преподобный, у его предков «была сумасшедшая жилка».

Феодосий Феодосиу умер молодым, когда его сыну Луке исполнилось всего 15 лет. Несмотря на столь юный возраст, Лука сумел в одиночку защитить свою мать, когда после смерти отца один турок хотел забрать молодую вдову в свой гарем. После этого мужественного поступка жители Фараса избрали юного Луку главой сельской общины Фарас, и он двадцать пять лет служил защитником для односельчан. Однако в сорокалетнем возрасте Лука Феодосиу тоже отошёл в мир иной, оставив свою супругу Христину вдовой с двумя детьми – Дёспиной и Продрёбом – будущим отцом

¹⁹ *Дигени́с Акрит́* – легендарный греческий герой и воин, о котором говорится в одноимённой византийской эпической поэме X-XII веков.

преподобного Паисия.

Христина, или Хаджи-Христина, как её стали называть после совершённого ею паломничества в Иерусалим, была очень отважной женщиной. От природы она отличалась не только жизнерадостным и задорным нравом, но и благоговением, изливавшимся из неё, словно из источника. После кончины своего супруга она переселилась в город Адана²⁰, где у неё была какая-то недвижимость. Часть этой недвижности арендовал приезжий предприниматель из Австрии. В Адане у Продрома была возможность получить образование, но сам он этого не хотел. Тогда Хаджи-Христина отправила его учиться различным ремёслам, и впоследствии, когда им пришлось переселиться в Грецию, эти навыки оказались для Продрома драгоценными.

В 1905 году, когда Продрому исполнилось 22 года, он приехал в Фарасы. Там его хотели женить на местной учительнице. С точки зрения достатка и социального статуса это была завидная партия. Однако Продром отказался и выбрал себе в жёны происходившую из обедневшего аристократического рода пятнадцатилетнюю сироту Евлогию Фра́нгу. Умерший к тому времени отец Евлогии, Христо́с Франгу, был необыкновенно благородным и добрым человеком. Всю неделю он в поте лица трудился на принадлежавшей ему рудоплавильной печи, а каждое воскресенье угощал богатым обедом своих

²⁰ Адана́ – город в Турции на реке Сейхан, приблизительно в 100 км от Фарас. – Прим. греч. изд.

родственников и работников артели, выплавлявших вместе с ним металл. Христос приходился роднѣй матери преподобного Арсения Каппадокийского; таким образом, преподобный Паисий по материнской линии был родственником святого Арсения.

Итак, Продром, посватав Евлогию у её матери-вдовы, получил согласие и благословение. Таинство венчания было совершено в тот же самый день. Когда Продром вместе со своей женой Евлогией посетил Адану, его мать Хаджи-Христина, увидев Евлогию, поняла, что в их дом вошло настоящее благословение.²¹

Продром и Евлогия решили жить в Фарасах. Сразу после переселения Продром стал главой фарасской сельской общины. С присущей ему от рождения отвагой и с уверенностью, которую давали ему благословение и молитвы Хаджефенди, он вместе с отрядом фарасских юношей взял село под свою защиту. Однажды во время боя с отрядом чёт²² и солдат регулярной турецкой армии Продром оказался один, окружённый врагами. Тогда, желая запутать турок, он высунул из-за камня краешек своей шапки, а сам, укрываясь за камнями и меняя позицию, продолжал их обстреливать. Трюк удался, и Продрому удалось вырваться из окружения. В Фарасах оставаться было нельзя, поскольку турки объявили его в розыск и даже назначили вознаграждение за его го-

²¹ *Евлоги́я* (греч. εὐλογία) – досл. «благословение».

²² *Чёты* – турецкие бандиты.

лову. Продром бежал в Адану, где его укрыл в арендованном у его матери доме коммерсант-австриец. Этот австриец сделал всё возможное, чтобы спасти Продрома: он поднял над домом австрийский флаг, а потом через посольство Австрии в Турции оформил ему австрийские дипломатические документы, дающие право неприкосновенности. После этого Продром смог вернуться в Фарасы, где все стали называть его «Эзнепис», что по-турецки значит «чужеземец». В конце концов это прозвище и стало его фамилией, а когда впоследствии он со своей семьёй переселился в Грецию, его фамилию записали в документах как Эзнепидис – на понтийский манер.²³

После устроенной турками страшной Киликийской резни²⁴ 1909 года Хаджи-Христина не захотела оставаться в городе, где было пролито столько крови. Она вернулась в Фарасы, стала жить в одном доме с Продромом и Евлогией и взяла в свои руки семейный бюджет, поскольку Продром был настолько милостивым человеком, что всё заработанное тратил на нужды своих земляков, часто просивших у него помощи. Кроме того, в Фарасах не было гостиницы, и все странники, проходившие через Фарасы, находили горячее гостеприимство в доме Продрома и Евлогии. В этом маленьком, но богатом благородством доме Хаджи-Христина в благо-

²³ Фамилии понтийских греков обычно кончаются на «-йдис».

²⁴ *Киликийская резня* – массовое убийство турками армян в Адане и соседних деревнях, в результате которого погибло более 20 000 человек.

дарность за спасение сына приютила и разорившегося к тому времени австрийского предпринимателя, которому было стыдно возвращаться к себе на родину.

Со своей невесткой Евлогией, от природы простой и смиренной, Хаджи-Христина была связана в первую очередь духовным родством. Обе женщины отличались духовным благородством и приносили себя в жертву ради других. Они разделяли домашние хлопоты и заботы по воспитанию детей. Два первенца Продрома и Евлогии умерли сразу же после своего крещения. Когда родился третий ребёнок, девочка, преподобный Арсений дал ей имя Зоя,²⁵ моля Бога, чтобы она осталась в живых. Девочка выжила, а вслед за ней остались в живых и следующие родившиеся в семье дети.

Преподобный Паисий был восьмым ребёнком Продрома и Евлогии. Он родился 25 июля 1924 года,²⁶ в день, когда Церковь совершает память успения святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. В те самые дни, когда преподобный появился на свет, до Фарас дошла горькая весть о предстоящем насильном изгнании греков из Малой Азии и переселении в Элладу. Жители Фарас начали готовиться к переселению. Среди необходимых приготовлений преподобный Арсений крестил новорождённых младенцев, заботясь о том, чтобы во время предстоящего далёкого путешествия никто не умер некрещёным. Новорождённому сыну Продро-

²⁵ Зоя́ (греч. ζωή) – букв. «жизнь».

²⁶ Здесь и далее, если не указано иного, все даты даются по старому стилю.

ма и Евлогии было тогда всего тринадцать дней. Родители хотели назвать мальчика Христос в честь деда, однако преподобный Арсений ответил: «Да, в честь дедушки – это хорошо... Дедушка имеет право на наследника-внука, носящего его имя. Но разве и я не имею право на наследника-монаха, носящего моё имя?» И, повернувшись к стоявшей возле купели крёстной, преподобный Арсений повелел: «После слов "крещается раб Божий" скажи: "Арсений"». ²⁷

²⁷ По греческой традиции, имя крещаемого произносит восприемник.

Сорок дней беженства

Уже через неделю после крещения, 14 августа, фарасиоты отправились в горький путь эмиграции. Перед самой дорогой Хаджефенди принёс Богу молитву о том, чтобы все они перенесли это трудное и долгое путешествие и добрались до Греции живыми. С малолетними детьми, стариками и домашним скарбом фарасиоты пешком преодолели 150 километров до порта Мерси́н,²⁸ где погрузились на корабль, отплывший к берегам матери-Эллады.

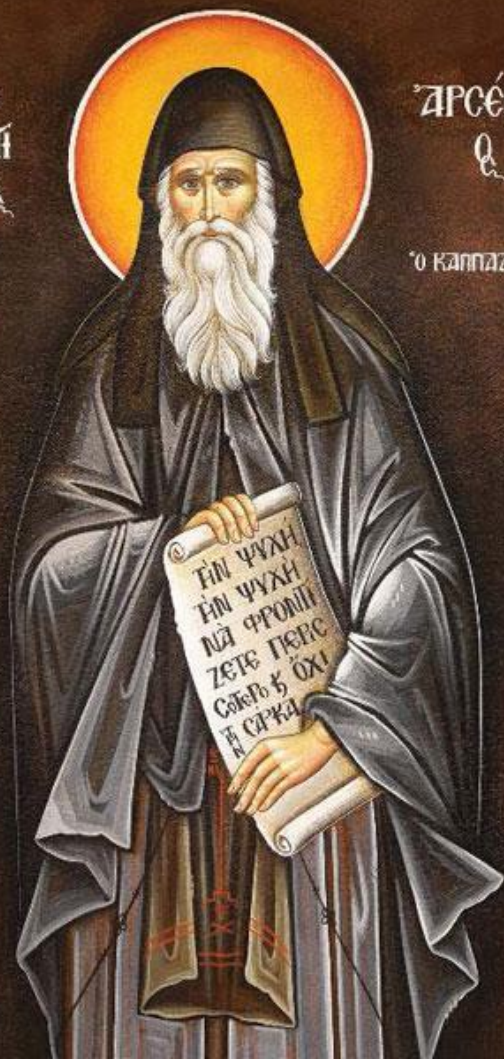
На корабле произошёл такой случай. Евлогия положила младенца на палубу и накрыла одеялами. Один матрос, не заметив этого, наступил на ребёнка. Все вокруг испугались, что младенец умер, а Евлогия не могла найти в себе сил приподнять одеяла, ожидая, что её глазам откроется невыносимое зрелище. Однако, когда одеяла раскрыли, увидели, что младенец жив. Его тело превратилось в сплошной синяк, но глазки сияли как два ярких огонька.

²⁸ *Мерси́н* – город и порт на юго-восточном побережье Турции.

Ὁ
ΑΓΙ
Ω

ΑΡΣΕΝΙ
Ω

Ὁ ΚΑΠΠΑΔΟΝΗΣ

Преподобный Арсений Каппадокийский (роспись трапезной исихастерия святого Иоанна Богослова)

Потом преподобный Паисий будет говорить об этом случае так: «О, если бы я умер тогда, с только что полученной благодатью Святого Крещения! Моё тело бросили бы в море, рыбы радовались бы ужину, а я ушёл бы на Небо и стал маленьким ангелом».

Морское путешествие заняло целый месяц. 14 сентября, в день, когда Церковь празднует Воздвижение Честного Креста Господня, корабль с фарасиотами прибыл в греческий порт Пирей.²⁹ Ступив на греческую землю, фарасиоты присоединились к торжествам в честь праздника Воздвижения, радуясь благополучному окончанию путешествия и надеясь, что их страдания закончились. К несчастью, многие из бед были ещё впереди.

Пока решались вопросы о конечном распределении беженцев, фарасиотов поселили в жутких условиях – в палатках неподалёку от порта. Некоторые из переселенцев приняли решение остаться в афинских пригородах, а остальные, после трёх недель жизни в палатках, получили приказ опять грузиться на корабль и отправляться на Кёркиру.³⁰

Когда беженцы прибыли на Керкиру, их разделили. Ко-

²⁹ *Пирей* – главный порт Греции, недалеко от Афин.

³⁰ *Кёркира* (второе название – Кóрфу) – самый северный среди Ионических островов.

го-то распределили в посёлок Плати в Имати́и,³¹ кого-то – в сёла недалеко от Дра́мы.³² Семья Продрома Эзнепидиса вместе с другими пятнадцатью семьями и преподобным Арсением временно разместились в старинной византийской крепости на Керкире. Хаджефенди ещё раньше готовил переселенцев к тому, что им придётся разлучиться и друг с другом, и с ним: ему предстоит переселиться в жизнь иную. «Когда мы прибудем в Грецию, – говорил он, – жителей нашего села рассеют по разным краям страны. А я проживу в Греции всего сорок дней и умру на одном из островов». Так и случилось, 10 ноября 1924 года по новому стилю святой иеромонах из Фарас преподобный Арсений Каппадокийский скончался на Керкире.

Оставшись без своего доброго пастыря, фарасиоты ещё несколько месяцев прожили на Керкире. Затем их уведомили, что окончательным местом их поселения будет местность недалеко от города Игуменіца,³³ где жило много турок. Эти турки по Соглашению об обмене населением должны были отправиться в Турцию, а их дома предназначались для малоазиатских греков.

С болью оставив могилу Хаджефенди, фарасиоты переехали в окрестности Игуменицы и в ожидании распределе-

³¹ *Плати́* – префектура (ном) в Греции, в области Центральная Македония.

³² *Дра́ма* – город в Греции в области Восточная Македония.

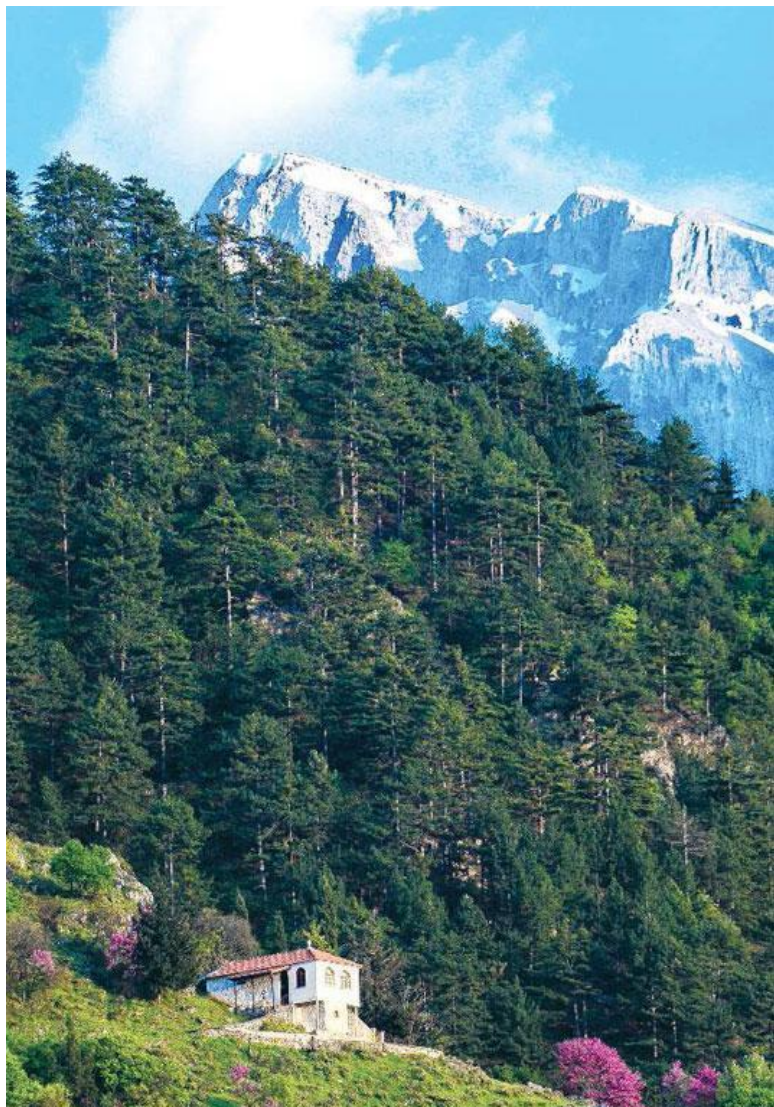
³³ *Игуменіца* – город и порт на северо-западе Греции, напротив острова Керкира.

ния домов разбили палаточный лагерь недалеко от селения Платарья. Однако прошло полтора года, но никаких домов им не дали, потому что турки при помощи взяток смогли избежать переселения. Фарасиоты продолжали жить в нечеловеческих условиях – в палатках и сараях. Наконец Продром Эзнепидис, желая положить конец этим ужасным страданиям, поехал в Афины и добился приёма у премьер-министра Греции. Когда Продром был в Афинах, он встретил там одного фарасиота, который уже устроился в столице, нашёл там дом для Продрома и уговаривал его поселиться в Афинах со всей своей семьёй. Однако Продром ни за что не хотел оставить неустроенными своих земляков и вернулся в Платарью. Через несколько дней фарасиоты получили уведомление, что им предписано переселиться в городок Кóница в Эпíре.³⁴

Арсению, «чаду боли», как называла его мама, было тогда два года.

³⁴ *Эпíρ* – округ на северо-западе Греции, граничащий с Албанией.

Глава II. Детские и юношеские годы

Церковка святой великомученицы Варвары (фотостудия
П. Цингулиса, Коница)

Семейное воспитание

Незадолго до того, как фарасиоты прибыли в Коницу, там уже обосновались переселенцы из каппадокийского города Мисти́.³⁵ Незанятыми оставались всего несколько домов и самые бесплодные участки земли. Продром, ответственный за справедливое распределение домов и участков, сначала распределил их между своими земляками, взяв для своей семьи последнее из оставшегося.

Конечно, Продром был вынужден работать в поте лица. Только так он мог прокормить свою большую семью, в которой к тому времени родились ещё двое детей: Христина и Лука. С той же решительностью и изобретательностью, которыми Продром отличался, защищая акритские Фарасы, он начал теперь возделывать бесплодные земли акритской Коницы. Раньше местные жители растили в Конице только кукурузу, а Продром стал первым, кто начал сеять в этих местах пшеницу. Вскоре его избрали председателем сельскохозяйственного кооператива. Как представитель переселенцев, он принимал участие и в заседаниях городского общественного совета. Однако, когда после одного государственного праздника члены общественного совета бросились делить между собой деньги, оставшиеся от средств, выделен-

³⁵ *Мисти́* (современное название – Конаклы́) – прибрежный город в Турции, в 120 км от Анталии.

ных на торжества, Продром в знак протеста вышел из совета. «Лучше пусть моя семья останется голодной, чем я принесу в дом такие нечестные деньги», – решил он.

Вдобавок к крестьянским занятиям, Продром иногда уходил в горы и охотился на кабанов, а во дворе своего дома устроил мастерскую, где изготавливал шкафы, плуги, охотничье оружие, обувь и всё, что было необходимо. В этой мастерской рядом с отцом часто играл и малыш Арсений. «Когда я был маленьким, – вспоминал преподобный, – то очень любил "делать изобретения". Мой отец мастерил какой-нибудь инструмент, а рядом с ним пристраивался и что-то мастерил я. Но уж если я что-нибудь портил, то бежал от отца со всех ног».

Евлогия с терпением занималась домашними делами, постоянно повторяя Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Чтобы успеть всего наготовить, всех обстирать и обшить, она работала без остановки и не могла присесть ни на минуту. А когда ей говорили, что надо бы себя пожалеть, она отвечала: «Это же мой долг. Я обязана всё успевать и не роптать при этом. Потому что я – мама».

Бабушка Хаджи-Христина прожила в Конице всего один год. Она лежала, прикованная к кровати, измученная жизненными перипетиями и старостью. Однако и этого времени ей хватило, чтобы напоить своим благоговением маленького Арсения, который от неё не отходил. Вместо сказок бабушка рассказывала внуку что-то из Евангелия или из житий свя-

тых. Показывая ему священные иконы, привезённые из Фарас, она учила его осенять себя крестным знаменiem и прикладываться к ним. Среди этих икон был один маленький образок, привезённый Хаджи-Христиной из Иерусалима. На нём был изображён Христос как Ребёнок, помогающий праведному Иосифу в столярной мастерской. Запечатлевшись в нежном сердце Арсения, этот образ пробудил в нём любовь к столярному ремеслу, которому он впоследствии захотел научиться.

Повседневная жизнь семьи Энепидис дышала ароматами анатолийского благоговения. Со всей строгостью они соблюдали посты и никогда не работали в праздники. Евлогия настолько хорошо помнила дни памяти святых, что соседи даже прозвали её «Ходячим календарём». Каждое воскресенье и по большим праздникам вся семья шла в церковь. Из церкви они всегда брали в дом антидор,³⁶ который вкушали натошак по утрам всю последующую неделю. Утром и вечером вся семья собиралась на молитву перед семейным иконостасом, а после совместной молитвы все клали перед иконой Христа земной поклон. «Помните, – говорил отец, – дважды в день человек должен предстать перед Богом, как солдат на поверку».

Но семья прибегала к молитве не только «два раза в день»,

³⁶ *Антидор* (от греч. ἀντί – вместо и δῶρον – дар) – частицы той просфоры, из которой на Литургии был иссечён Агнец; обычно священник раздаёт антидор прихожанам в конце Литургии.

а во всех житейских нуждах, и малых и великих. Однажды, когда серьёзно заболел младший ребёнок Лука, отец позвал всех домочадцев: «Пойдёмте, попросим Бога, чтобы Он либо исцелил его, либо забрал к Себе, избавив от страданий». Через несколько дней Лука выздоровел. Так дети с самого малого возраста на собственном опыте пережили силу молитвы. Когда им становилось страшно, они сами вставали на колени перед иконостасом и начинали молиться. Однажды, когда родители работали в поле, разразился сильнейший ливень. В доме были только Арсений и его младшие брат с сестрой, которые начали плакать. Тогда Арсений с непоколебимой верой сказал им: «Пойдёмте!.. Попросим Христа, чтобы Он остановил дождь». Трое детей опустились на колени и начали молиться. Через несколько минут дождь перестал.

Вся окружавшая их среда была пропитана памятью святого Арсения. Каждый раз, когда к ним приходили родственники и знакомые, и в первую очередь – певчий святого Арсения Продрóm Корцино́глу, который был к Хаджефенди ближе других, темой для разговоров были главным образом подвижническая жизнь святого Арсения и его чудеса. Не было дня, чтобы в доме не слышали что-то о преподобном. Из всех повествований самое сильное впечатление на маленького Арсения производил рассказ о том, как святой Арсений его крестил. Так, естественным образом, будущий преподобный старец Паисий сроднился со святым Арсением, который дал ему своё имя и передал в наследство своё монашество.

Поэтому уже в возрасте четырёх-пяти лет Арсений стал говорить, что станет монахом. И когда другие дети в своих играх строили домики, Арсений строил маленькие монашеские кельи,³⁷ представляя, что так выглядела келья Хаджефенди. А больше других игр Арсений любил делать крестики, соединяя между собой две палочки, и собирать чётки, нанизывая на шпагат крохотные шишки.

И Продром и Евлогия старались воспитать детей *в учении и наставлении Господнем*,³⁸ однако каждый из них помогал детям по-своему. Отец был строгим и часто наказывал детей. Как-то раз один из соседей поднял трёхлетнего Арсения, чтобы тот сорвал ему несколько смоков с дерева, которое росло за забором заброшенного дома. Арсений сорвал пять смоков, и сосед дал ему две. Узнав об этом, Продром отвесил сыну крепкую затрещину.

– Ты зачем бьёшь ребёнка? – заступилась за Арсения мать. – Откуда он знал, что можно, а что нельзя? Он же ещё маленький! Неужели ты можешь слушать, как он плачет?

– Если бы он плакал, когда его поднимали рвать чужие смоквы, – ответил отец, – то не плакал бы сейчас. Но, наверное, когда его поднимали смоквы воровать, ему и самому захотелось полакомиться... Так что пусть плачет!..

А вот Евлогия в воспитании детей была противоположно-

³⁷ *Келья* – 1) отдельно стоящий дом с церковью, где подвизается один или несколько монахов; 2) комната монаха в монастыре.

³⁸ Еф. 6:4.

стью Продрома. Когда дети шалили, она относилась к этому с благородным великодушием и старалась помочь детям научиться чувствовать добро необходимостью. Однажды Арсений, увлѣкшись поеданием варенья, не заметил, как съел целую банку. Вскоре к ним пришли гости, и Евлогия поспешила на кухню приготовить им угощение. Арсений побежал за мамой и увидел, что она держит в руках пустую банку.

– Ну что, герой, – спросила Евлогия, – рад, что всё варенье слопал?

– Ой... да, это я его съел, – ответил Арсений.

– И чем же нам теперь людей угощать? – спросила мать, посмотрев на него с болью.

После этого случая Арсений больше никогда не ел сладостей, не спросив разрешения у мамы. Потом преподобный старец вспоминал: «Мамин взгляд и слова помогали мне больше, чем затрещины, на которые не скупился отец. Конечно, оба они меня любили, однако благородное, великодушное поведение мамы исправляло меня больше, чем отцовские строгость и наказания».

Евлогия, видя как дети озорничают, отворачивалась и делала вид, что не замечает их проступков. Она вела себя так потому, что не хотела их опечалить. Однако её благородство и великодушие болью отзывались в чувствительном сердце мальчика. «Смотри-ка, – говорил он себе, – я так сильно наозорничал, а мама не только не бьёт меня, но и делает вид, что она этого не заметила! Больше я не буду так плохо себя

вести».

Однако, хотя Евлогия и умела притворяться не замечающей, ничего не ускользало от её взора, и она старалась исправить всё требовавшее исправления. Когда старшая сестра Арсения, Зоя, вышла замуж, её муж каждый день заходил к ним в гости, всегда принося Арсению какой-нибудь подарок или гостинец. Быстро привыкнув к этому, Арсений, увидев мужа сестры, бежал к нему с криком: «А что ты мне сегодня принёс?» – и начинал обшаривать его карманы. Тогда Евлогия, желая отучить сына от дурной привычки, сказала зятю: «Не учи его такому. Насыпь, пожалуйста, вместо гостинца в карманы немного соли. Пожалуйста, сделай так!»

Когда Арсений начал ходить в школу, мать помогала ему преодолевать трудности духовно и при каждом удобном случае учила его смирению. Например, Арсений бегал быстрее других детей, и поэтому те не давали ему бегать с ними наперегонки и прогоняли, обзывая «иммигрантиком». Арсений в слезах бежал к маме и жаловался:

– Ребята не дают мне бегать с ними наперегонки!

– Побегать захотелось? – спрашивала мать. – Вот тебе двор, бегай, пожалуйста. Почему ты хочешь бегать непременно на видном месте? Чтобы все на тебя любовались и говорили: «Ах, какой он молодец!»? В этом есть гордость.

В другой раз Арсений жаловался матери, что одноклассники выталкивали его из шеренги и каждый хотел стоять в ней первым. «Ну и чего ты добьёшься, если встанешь в на-

чале шеренги? – спрашивала в ответ мать. – В этом есть гордость». Так Арсений уже в детстве начал освобождаться от мелкодушия. Видя, как дети ссорятся и не могут поделить победу в игре или хвалятся тем, что они в чём-то лучше других, он смеялся про себя и говорил: «Какие же это глупости! Ведь мама-то права». Тогда ему было восемь лет, однако уже в столь юном возрасте мать помогла ему понять глубочайший смысл жизни.

Первые аскетические подвиги

Из школьных предметов Арсений больше всего любил Закон Божий и рисование. Ему нравилось рисовать Колокотрониса³⁹ в его огромном воинском шлеме. Одноклассники прошили: «Арсений, а мне можешь тоже нарисовать Колокотрониса?» Арсений не отказывался, вечером садился рисовать, а утром относил рисунок в школу.

В общении с детьми Арсений был любочестен и уступчив. Когда школьники ссорились между собой, они обычно звали его как третейского судью – рассудить их. Учителя любили Арсения, потому что он был старательным, сообразительным и послушным мальчиком. Однажды учитель пообещал их классу, что на следующий день они пойдут в поход. Но наутро погода испортилась, и поход отменили. Тогда раздосадованные дети в знак протеста убежали из школы. Однако Арсений не сбежал с ними, подумав: «Как взрослые поведут нас в поход в такую непогоду? Мы же все простынем и заболеем».

Возвращаясь из школы, Арсений быстро делал уроки, а потом находил какой-нибудь повод и убегал в соседний лес, чтобы «жить как пустынный». Часто он нарочно затевал ссору с младшей сестрой и, как только старшие делали ему за-

³⁹ *Феодор Колокотро́нис* (1770–1843) – греческий полководец периода борьбы за независимость.

мечание, делал вид, что очень обиделся, и убегал. Вначале мать расстраивалась, не понимая, что происходит. Но вскоре, когда посылаемые на поиски Арсения его старшие братья и сёстры стали находить его молящимся то в полуразрушенных домах, то в каких-нибудь кустах, то в лесной церковке святой Варвары,⁴⁰ мать поняла, что все эти «ссоры» и «обиды» были всего лишь ухищрением, совершаемым со святой целью.

Маленькая пещера за церковкой святой великомученицы Варвары (фотостудия П. Цингулиса, Коница)

⁴⁰ *Святая великомученица Варвара* приняла мученическую кончину от рук своего родного отца, язычника Диоскора, в IV веке. Память 4 (17) декабря.

Самым любимым из «духовных убежищ» Арсения была маленькая пещера за церковью святой Варвары. В этой пещере исполнялось желание Арсения, и он «превращался в пустытника». Суровый, аскетический вид пещеры заставлял сердце мальчика трепетать от радости, и он начинал горячо творить молитву Иисусову, которой научился от матери. Ещё он делал в пещере земные поклоны, которым также научился дома. Он любил заходить в церковь возле пещеры, где, стоя перед образами иконостаса, молился во весь голос: «Христе мой, помогай мне! Пресвятая Богородица, помогай мне! Святая Варвара, помогай мне!» Ещё он пел тропари – уже тогда он выучил некоторые песнопения наизусть. Особенно нравился ему тропарь «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...». ⁴¹

Также Арсений любил читать жития святых. В третьем классе начальной школы в его руки попало первое житие – святой мученицы Агафьи, ⁴² которое произвело на него неизгладимое впечатление. После этого он старался найти и другие жития святых, которые печатались тогда в виде отдельных брошюрок. Арсений покупал эти книжечки, с благого-

⁴¹ Триодь Постная. Неделя о мытаре и фарисее, на утрени по 50 псалме. – *Прим. греч. изд.*

⁴² Мученица Агаѳѣя Сицилійская всего лишь пятнадцатилетней девушкой приняла за Христа жестокие муки. Апостол Пётр в темнице исцелил её раны, а следующую пытку остановило землетрясение, и святая мирно предала душу Богу (в 251 году в Катании). Память 5 (18) февраля.

вением хранил их в отдельной коробке и постоянно читал – даже ночью, при свете лампадки. Заканчивая книгу, он давал её своим одноклассникам. Часто дети вместе шли в лес, чтобы там читать и молиться.

Старший брат Арсения, боясь, что тот забросит школу и уйдёт в монастырь, начал забирать у него жития святых и прятать их. «Вот перейдёшь в шестой класс, – говорил он, – и получишь все эти книжки обратно». Однако Арсений продолжал покупать новые жития и не просто читал их, но и старался применить прочитанное в собственной жизни. Например, как только он прочитал, что монахи не едят мяса, то больше ни разу даже его не попробовал. В их доме был такой обычай: еду совсем не солили, а каждый сам подсаливал себе по вкусу уже в тарелке. Арсений совсем перестал солить себе еду, думая, что надо привыкать есть несолёное, потому что там, где он будет подвизаться, «не найдёшь соли». От поста шея его стала такой тоненькой, что дети дразнили его: «Эй, Арсений, у тебя сейчас голова отвалится!..» У него были признаки малокровия, и часто он чувствовал себя совсем без сил. Однажды, когда Арсений возвращался из школы домой, у него закружилась голова и он упал прямо посреди дороги. Не желая, чтобы кто-то увидел это и рассказал родителям, он отполз в сторону и лежал там, пока не пришёл в себя. Однако при этом он чувствовал огромную радость. Потом преподобный рассказывал: «В детстве пищей моей был кушечек лепёшки и несколько глотков воды. Но ничего больше

мне и не надо было, я просто летал от радости!.. Питайся я тогда вкусно и сытно, это не могло бы дать мне такой духовной радости, которую я переживал».

Самое сильное впечатление из всех святых на Арсения производили столпники. Желая быть на них похожим, он залезал на высокие деревья и обрывистые скалы, где читал их жития и молился. Однажды он поднялся на вершину крутой скалы в ущелье реки Абс, где молился весь день, стоя на ногах и совсем без пищи. Наступили сумерки, и пришлось спускаться на ощупь, потому что не было видно, куда ступить. Кое-как Арсений спустился, но потом в темноте заплутал в ущелье и долго не мог выйти на дорогу. Когда поздним вечером он вернулся домой, то увидел, что родители очень переживают. Однако сам он был переполнен радостью оттого, что ему удалось «побыть столпником». Был и такой случай: Арсений прочитал, что если боишься проходить мимо какого-то места, надо специально пойти туда и остаться на какое-то время, чтобы страх ушёл.⁴³ Тогда он три вечера подряд ходил на коницкое кладбище, залезал там в пустую могилу,⁴⁴ где сидел и молился до полуночи.

Итак, что бы ни читал Арсений, ко всему он относился горячо, храня прочитанное в своём сердце. Со тщанием и

⁴³ См. *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Слово 21, п. 7.

⁴⁴ В Греции существует традиция, по которой кости усопшего достают из могилы через несколько лет после погребения, омывают и складывают в костницу. В той же могиле может быть после этого захоронен другой человек.

старанием он засеивал плодоносную почву своей души Божественным семенем, которое в своё время *принесло плод сторицею*.⁴⁵ И если, в силу возраста, что-то из прочитанного (особенно из Евангелия) оставалось для него непонятным, то он не пытался докопаться до смысла рассудком. Он складывал прочитанное в сердце, говоря себе с верой: «Там написано что-то хорошее и правильное, но я этого ещё не понимаю. Ничего, пойму позже».

Так с детства Арсений следовал стопам святых отцов и готовился стать монахом. В шестом классе на Рождество он вместе с братьями и сёстрами подошёл к отцу, чтобы поцеловать ему руку. При этом по семейной традиции отец давал каждому из детей какое-то благословение или напутствие. Когда к нему подошёл Арсений, отец сказал: «Ну сынок, дай Бог, чтобы и твою свадьбу сыграли». Услышав это, Арсений тут же отдёргнул руку, не согласившись принять такое благословение. Но когда на улочках Коницы он слышал, как люди от мала до велика шепчутся у него за спиной: «Смотри-смотри, монашек пошёл!..» – это, наоборот, доставляло ему огромную радость.

⁴⁵ Ср. Лк. 8:8.

Обучение благословенному ремеслу. 1937–1940 годы

Когда Арсений закончил начальную школу, вся семья стала просить его продолжить учиться дальше, в гимназии⁴⁶ города Янина. Но Арсений отвечал: «Не хочу я дальше учиться. Хочу стать плотником». Родные настаивали, думая, что он хочет выучиться ремеслу ради того, чтобы не обременять семью материально. Однако на этот раз Арсений оказался неуступчивым: он на самом деле хотел стать плотником, от сердца желая даже по роду земных занятий подражать Христу.

Поэтому он поступил подмастерьем в одну столярную мастерскую в самом центре Коницы. Там он начал старательно и терпеливо учиться столярному и плотницкому ремеслу.

В начале обучения, когда ему было ещё двенадцать лет, инструменты часто падали у него из рук, и, раздражаясь, он приговаривал что-нибудь вроде «Волк его задери!» или «Будь оно неладно!». Однако он быстро понял, что такие присказки неуютны Богу и решил: «Хватит!.. Если в другой раз что-нибудь у меня не будет получаться, я буду говорить, как мама: "Велико Имя Святыя Троицы!" и "Слава Тебе, Бо-

⁴⁶ В Греции курс обучения в начальной школе составляет шесть лет, затем ученик переходит в гимназию, курс обучения в которой составляет три года.

же!"» Так, призывая имя Божие, Арсений мирно делал своё дело и быстро к этому привык.

Хозяин мастерской был доволен Арсением, который быстро осваивал ремесло и всегда был готов услужить своему мастеру. «Да, Арсений один такой!» – нахваливал его мастер. Однако сам Арсений с детства привык не радоваться похвалам. Он старался не давать лишнего повода, чтобы его превозносили. В той же мастерской был ещё один ученик, который ленился работать и повторял: «Нашли дурачка! Я буду работать, а мастер – денежки получать?» – «Если и сам хочешь стать мастером, надо работать!..» – советовал ему Арсений. Однако лентяй не слушал, и тогда Арсений, желая уберечь его от криков мастера, делал не только свою, но и его работу.

Первым столярным изделием, которое Арсений сделал самостоятельно, стал деревянный крест. Когда Арсений уходил молиться в лес, то брал этот крест с собой, и вообще крест этот помогал ему во всех трудных ситуациях. Однажды мать не нашла никого постарше, чтобы отнести обед старшим братьям, которые работали в поле, в двух часах ходьбы от Коницы. Арсений не знал дорогу, но вызвался отнести братьям обед. «Не волнуйся, – сказал он маме. – Спрошу, если что». И, держа в руке крест, подобно святым мученикам, которых он видел на иконах, Арсений вышел прямо к нужному месту.

Потом Арсений сделал для дома новый иконостас. Навер-

ху он укрепил деревянный крест, а в иконостас поместил бумажную иконку Христа-Плотника – ту самую, что его бабушка Хаджи-Христина привезла из Иерусалима.

Духовные упражнения

Столярному ремеслу Арсений учился четыре года. Весь день он очень много работал, но ел при этом крайне мало. «В монашестве, – вспоминал потом преподобный старец, – я не держал таких строгих постов, как в отрочестве. И не одни только посты – я ещё и другие налагал на себя труды и ограничения, а вдобавок ещё и работал на хозяина, не покладая рук. Я был худым как щепка, но при этом – сильным». И действительно, Арсений отличался исключительной выносливостью и в работе, и в посте. От природы он был сильным и способным юношей. Но не это, а божественная ревность была его главной движущей силой. В среду и пятницу он никогда не обедал. В остальные дни, желая скрыть от других работников мастерской то, что он не ест мяса, Арсений не садился за стол вместе с ними, а обедал дома. Не желая терять ни минуты времени, на обед и обратно он бежал со всех ног. Дома его всегда ждал накрытый стол: мать переживала, что если она замешкается, Арсений вообще перестанет приходить есть и будет целый день ходить голодный.

Каждый день, спеша на работу и обратно, Арсений проходил через центр города сосредоточенно и не вступая ни с кем в разговоры. Будучи подростком, он и внешне уже походил на монаха. Его одежда была тёмно-синего цвета, он всегда шёл с опущенной головой и даже не видел, кто идёт ему на-

встречу. Старшие сёстры, которые к тому времени уже вышли замуж и покинули семейное гнездо, жаловались матери, что, встречая их на улице, Арсений проходит мимо, даже не поздоровавшись.

– Ты что, – спрашивала мать, – проходишь по улице чуть ли не под носом у своих сестёр и не здороваешься с ними?

– Разве я кому-то обещал, – отвечал Арсений, – что буду рассматривать, кто мимо меня идёт: сестра или ещё кто? У нас целая куча родственников. Что мне, больше заняться нечем?..

Арсений был настолько строг к себе, что никогда не целовал своих сестёр. Потом он говорил: «Конечно, такая чрезмерная строгость и "застёгивание себя на все пуговицы" – признак незрелости. Однако это и тормоз, который удерживает юношу в правильных рамках».

Свободное время он посвящал духовному деланию. «С десяти до шестнадцати лет, – вспоминал он потом, – я жил без забот, посвятив себя духовной жизни. Это были мои лучшие годы. Я собирался удалиться от мира и жить в пустынных местах». После работы Арсений шёл в уединённую церковь святой Варвары и совершал там вечерню. Воскресные дни он проводил в лесу, читая житие какого-нибудь святого. Особенно он полюбил житие Фотинии-пустынницы⁴⁷ и читал эту книгу почти как Евангелие. Эта книга ещё силь-

⁴⁷ См. *Архимандрит Иоаким (Специерис)*. Пустынница Фотиния в пустыне Иорданской. М.: Даниловский благовестник, 2011.

нее разожгла в нём желание пустынной жизни и очень помогла ему в делании молитвы Иисусовой. Кроме того, житие Фотинии-пустынницы заставило Арсения задуматься о том, насколько важно в духовной жизни целомудрие: ведь преподобная Мария Египетская, проводившая прежде блудную жизнь, потом в пустыне боролась со множеством искушений, тогда как Фотиния-пустынница, бережно соблюдшая своё целомудрие, провела жизнь в пустыне радуясь – словно духовная царица. Эта книга была для Арсения настолько драгоценна, что, не желая с ней расставаться, он на всякий случай купил ещё один экземпляр, чтобы дать кому-то из сверстников, если попросят.

Сначала некоторые друзья Арсения, младше его по возрасту, ходили вместе с ним в лес и там читали книги, которые он им давал. Но, узнав об этом, их матери стали запрещать им дружить с Арсением, боясь, что они тоже начнут поститься и заболеют. Так Арсений остался один. Бывшие приятели кричали ему вслед разные прозвища: «Пророк Исайя!..», «Пророк Иеремия!..», «Святой Онуфрий!..» Это огорчало Арсения, и он стал водиться с компанией ребят постарше. Те любили пострелять из рогатки, и вскоре Арсений стал среди них самым метким стрелком. Однажды он убил из рогатки птичку. Это отрезвило его, он расстроился и подумал: «Я ведь сам раньше ругал своего брата, когда тот убил из рогатки птицу. Я даже взял тогда её тельце и, плача, похоронил. А до чего я докатился сейчас!..» Он выбросил

рогатку и ушёл из этой компании, понимая, что такое общение не пойдёт ему на пользу.

После этого случая Арсений два-три воскресенья подряд после Божественной Литургии пешком ходил в Школу земледелия, при которой был небольшой зоосад. Там он с большим интересом и удовольствием проводил время, любясь животными. Однако это приятное времяпровождение привело его к такой мысли: «Стоит ли отдавать своё сердце какой-то красивой земной картине, довольствуясь этой радостью? Разве земная радость не разлучает нас со Христом? Нет, хватит. Вместо того, чтобы любоваться животными, буду уходить в горы, читать и молиться». Но и уходя в горы, Арсений не оставлял борьбы, не желая, чтобы радость, лишь кажущаяся духовной, окрадывала его сердце. Помысел говорил ему: «А во-о-он с той вершины открывается такой замечательный вид!.. Всё как на ладошке: и ущелье видно, и как вода по камушкам бежит!.. И присесть есть на что, и ёлка растёт – такая тенистая! Садись – и читаешь себе». – «Нет, – отвечал Арсений помыслу, – пойду-ка я лучше в овраг, откуда ничего из этих красот не видно». И постепенно, отсекая свои пожелания, он научился больше радоваться не на вершине горы, а внизу, на дне глубокого оврага.

Ущелье, по которому течёт река Аос

Затем юный Арсений, будучи подвижником, непрестанно изобретающим способы подвига, и сопротивляясь тому, что окрадывало его сердце, принял решение не ходить ни в горы, ни в ущелье, а вместо этого оставаться дома «в затворе». Он купил маленький токарный станок и в свободное время закрывался в своей комнате, вытачивая разные деревянные поделки и творя молитву Иисусову. Вначале «затвор» давался ему нелегко. Однако, поняв, что такой образ жизни пойдёт ему на пользу, Арсений почувствовал его необходимость и потихоньку его полюбил.

Всю эту духовную борьбу Арсений совершал не от «нечего делать» и не из эгоистичных побуждений. Он отдавал себе полный отчёт в том, ради чего ведёт эту борьбу. Он боролся за то, «чтобы пойти против своего хотения, чтобы подчинить себе своё "я"», как сам потом об этом рассказывал. Уже в ранней юности он понял, что «наше хотение, будь оно даже и добрым, имеет в себе своеволие. А своеволие препятствует, оно мешает тебе стать свободным, чтобы соединиться со Христом. Да, ты всё равно любишь Христа, однако любишь Его «по-своему», то есть сочетая с этой любовью свои якобы добрые пожелания». Подвизаясь таким образом, Арсений понял, что «когда ты приносишь в жертву Христу то, чего тебе самому хочется иметь, то Христос даёт тебе большее утешение. А когда тебе не хочется уже ничего, жизнь твоя становится праздником, торжеством. Ты радуешься всему, а сердце твоё без остатка отдано Христу». На этом основании, от юности заложенном преподобным, он и построил всю свою последующую жизнь.

«Я – Воскресение и Жизнь»

Когда Арсению было пятнадцать лет, его старший брат переживал, что чрезмерный пост подкосит его здоровье. Тогда один их сосед, по имени Костас, сказал брату: «Не переживай, я ему вправлю мозги! Я с ним так поговорю, что он все свои книжки выкинет, а уж про «молиться-поститься» и думать забудет!...» И вот, встретив однажды Арсения, Костас начал пересказывать ему теорию эволюции Дарвина. О Христе Костас сказал, что «Он был, конечно, очень хорошим человеком». Костас наговорил Арсению столько всего, что совсем заморочил ему голову. В тяжёлом состоянии сразу после разговора с Костасом Арсений побежал в своё «духовное убежище» – церковь святой Варвары.

Там, делая земные поклоны, он со всей силой души и детской простотой начал просить Христа: «Христе мой, если Ты есть, явись мне!» Он делал поклоны очень долго. Был жаркий летний день, пот лился по нему ручьём, одежда была насквозь мокрой. Арсений совершенно выбился из сил, но никакого явления и даже малого знака не было.

Тогда, совсем выдохшись, Арсений сел на пол и стал рассуждать: «Ну хорошо. Что ответил мне Костас, когда я спросил его, какого он мнения о Христе? Он ответил мне, что Христос был самым добрым, самым справедливым Человеком, что Своей проповедью Он задел интересы фарисеев и

они распяли Его из зависти. Но раз Христос был таким добрым и справедливым Человеком, что ни до, ни после Него не было никого Ему равного, раз плохие люди из зависти и злобы Его убили, то ради Этого Человека стоит делать ещё больше, чем я сделал для Него до сих пор. Ради Этого Человека стоит даже умереть. А рай мне никакой не нужен, да мне и вообще ничего не нужно, кроме Него Самого!» Как только Арсений принял этот любочестный помысел, ему явился Христос. Он явился, окружённый обильным Светом, залившим всю церковку, и сказал: «Я есмь Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт».⁴⁸ Христос произносил эти слова, а Арсений одновременно читал их в открытом Евангелии, которое Христос держал в руках. Тут в сердце мальчика, словно необыкновенно сильное пламя, вспыхнула любовь ко Христу, это пламя настолько изменило его духовное состояние, что он не переставая повторял: «Ну что, Костас! Давай теперь поговорим: есть Бог или Его нет!»

⁴⁸ Ин. 11:25.

«Я не для мира сего»

Прошёл год. Как-то раз, в 1940-м году, в дом Эзнепидисов пришёл один их кум. Он попросил, чтобы кто-то из их семьи стал восприемником его умирающего новорождённого ребёнка. Дома был только Арсений и его мать. Она пойти не могла и попросила Арсения стать восприемником несчастного младенца. Арсений к тому времени принял твёрдое решение стать монахом и потому отказывался принять на себя обязательства восприемника. Наконец, боясь, что пока его будут уговаривать, младенец умрёт, он уступил и пошёл на крестины. Он дал крещаемому имя Павел и так помолился Богу: «Господи, если он станет хорошим человеком, заberi годы моей жизни и отдай ему. Но если он собьётся с доброго пути, заberi его к Себе сейчас, пока он маленький ангел». Прошла неделя. Младенец Павел скончался и маленьким ангелом улетел на Небеса.

А в Арсении тем временем всё сильнее и сильнее разгоралось непреодолимое желание ангельского монашеского жития. Он постоянно думал: «Я не для мира сего». Однажды он сел на автобус и поехал в Янину. Там он пришёл в епархиальное управление⁴⁹ и спросил, можно ли ему стать монахом в возрасте шестнадцати лет – столько ему тогда было. В

⁴⁹ В те годы митрополит Янинский был также местоблюстителем епархии Дринопольской, Погониянской и Коницкой. – *Прим. греч. изд.*

епархии Арсению ответили, что сначала ему надо отслужить в армии. Он вернулся домой. Это произошло по Промыслу Божию, потому что в тот самый год началась греко-итальянская война. Старшие братья Арсения ушли на фронт, а он как несовершеннолетний остался дома и стал единственной опорой своих родителей.

Крестьянские труды. 1940–1944 годы

В тяжёлые годы войны и немецкой оккупации⁵⁰ Арсений взял на свои плечи труды по возделыванию скромных полей, принадлежавших его отцу. Плотницким и столярным ремеслом он в эти годы занимался редко, только откликаясь на чью-либо просьбу. Однако сейчас он не брал за своё столярство денег, отговариваясь: «Да я ведь просто так работаю, чтобы не забыть, как рубанок в руках держать».

Крестьянские работы не имеют ни конца ни края, особенно если не знаешь всех премудростей – как не знал их Арсений. Несмотря на это, по воскресным дням и церковным праздникам он никогда не выходил в поле. Он предпочитал больше поработать в будний день, но день праздничный оставить Господу Богу. В один год во время жатвы комбайны приехали в Коницу в воскресенье, и Энепидисам сказали, что жатву начнут с их участков. «Я в воскресенье работать не буду, – сказал Арсений отцу. – Пусть в понедельник приезжают». Отец стал переживать, что техника уйдёт и им придётся жать вручную и вывозить снопы на мулах. «Ничего, – сказал Арсений. – Буду жать хоть до Рождества». Он пошёл в церковь и даже думать забыл и про жатву, и про комбайны.

⁵⁰ В октябре 1940 года итальянские войска вторглись в Грецию, но были разбиты. В апреле 1941 года Греция была оккупирована войсками Германии и вплоть до 1944 года оставалась под германо-итальянской оккупацией.

Тем временем владелец комбайнов пришёл к отцу и сказал: «Прошу прощения, что-то у меня техника забарахлила. Поеду в Янину на ремонт. А в понедельник начнём прямо с вас – как договаривались».

На работу в поле Арсений всегда брал с собой чтение – житие какого-нибудь святого. Он успевал читать даже по дороге, а в поле то и дело останавливался и читал. Некоторые крестьяне, работавшие на соседних участках, подшучивали над ним:

– Эй, Арсений, когда уже работать начнёшь?

– Ничего-ничего, поработаем!.. – отвечал он.

– Когда поработаем-то? Ты два часа уже в книжку уткнулся и бездельничаешь!

Но у Арсения работа горела в руках, и он успевал сделать многое.

Часто вместе с другими юношами он пас лошадей на общих пастбищах. Там Арсений находил удобный момент, собирал ребят и читал им отрывки из Нового Завета или своими словами пересказывал им жития святых. Читал и рассказывал он настолько выразительно, что все слушали затаяв дыхание, словно своими глазами наблюдая священные события, о которых шла речь. Однако настоящей живой проповедью были не столько слова, сколько поступки Арсения. Он успевал везде: бежал наперерез лошадям, когда те шли в сторону засеянного поля, вызывался привезти всем воды, делал всё возможное, чтобы помочь другим. Когда ребята,

возвращаясь с пастбища, собирали по пути дрова на чьих-то придорожных участках, Арсений не давал им этого делать и говорил: «Если нужны дрова, пойдёте в лес и нарубим. Конечно, пока их принесём, устанем немножко. Но уж лучше притомиться, чем сделать несправедливость и утащить чужие дрова».

В те годы сельские жители по ночам охраняли свои посе­вы. Арсений тоже сторожил по ночам отцовскую бахчу с дынями. Он ходил сторожить с радостью, потому что нахо­дил благоприятную возможность молиться в ночной тиши­не и безмолвии. Видя, что кто-то идёт мимо бахчи, Арсе­ний срывал дыню и давал прохожему. Напротив бахчи жил один бедный штукатур, у которого было десять детей. Каж­дый день Арсений давал им несколько дынь. А утром, перед тем, как уйти домой, он срывал несколько дынь и клал их на обочине – для прохожих. Родные недоумевали, видя, что каждый день дынь на бахче всё меньше и меньше, но Арсе­ний их успокаивал: «Не волнуйтесь вы так... Ну, бывает, что угощу кого-нибудь дынькой-другой». Но однажды на бахчу заявились итальянские солдаты. Они стали по-хозяйски вы­бирать себе дыни и хотели сорвать самые большие – те, что были оставлены на семена. Арсений не подпустил их к этим дыням и смело сказал: «Эти дыни мы оставили на семена, я вам их не дам. Если хотите – сорвите другие». Один из ита­льянцев разозлился и замахнулся на Арсения плёткой. Ар­сений спокойно протянул руку к плётке, пощупал её, якобы

с интересом изучая, и сказал итальянцу: «Buona! Отличная плётка, сеньор!» Итальянцы расхохотались и ушли, так ничего и не взяв.

Духовное делание

В 1940 году на фронте был убит муж одной из сестёр Арсения. Она осталась вдовой с двумя маленькими девочками на руках. Два года подряд Арсений каждый вечер приходил к ним в дом, сидел с ними и как мог пытался утешить их боль. Также Арсений дружил с одним ребёнком-инвалидом, родители которого, стыдясь, что он не такой, как все, совсем не выводили его из дома. Арсений часто забирал мальчика и гулял с ним по Конице. Потом он говорил, что этот ребёнок занимал в его сердце самое почётное место.

Также Арсений сдружился с двумя юношами, которые тоже хотели стать монахами.⁵¹ Взаимное общение было на пользу каждому из них. Часто трое друзей вместе совершали вечерню в церковке святой Варвары. Иногда они пешком шли восемь часов до местечка Монодэндри,⁵² в монастырь святого пророка Илии, где тогда подвизался благоговейнейший старец – отец Иаков (Валодímos).⁵³

Однажды, когда друзья пришли туда на Божественную

⁵¹ Эти юношами были будущие святогорцы – отец Павел (Зисάκис), игумен Великой Лавры святого Афанасия, и отец Кирилл (Μάντος) – старец кельи святителя Николая «Буразери». – *Прим. греч. изд.*

⁵² Монодэндри – одно из сёл в Эпире недалеко от Янины, в местности Загорохория. – *Прим. греч. изд.*

⁵³ См. Ἀρχιμ. Χαράλαμπος (Βασιλόπουλος). Πατήρ Ἰάκωβος. Βαλοδήμος. Ἐνα σύγχρονος Ἁγίου (1870–1960). – *Прим. греч. изд.*

Литургию, нестарая ещё женщина, вся в чёрном, встала совсем рядом с Арсением и пристально глядела на него, постоянно осеняя себя крестным знаменiem. «Что же это за человек такой! – возмущался про себя Арсений. – Ну что она на меня так глазеет?!» Как только Литургия закончилась, эта женщина пригласила друзей в свой дом. Оказалось, что Арсений очень похож на её сына, на которого только что пришла похоронка с фронта. Потом преподобный старец вспоминал, что, когда женщина рассказывала ему о своём горе, ему «стало тошно от самого себя». После этого случая он принял решение больше никогда не принимать помыслы осуждения.

Однако прошло немного времени – и Арсений впал в осуждение вновь. Один из его братьев, воевавший на фронте, прислал в дар бедному храму святых апостолов в Нижней Конице два бочонка оливкового масла, договорившись об этом с кем-то из офицеров. Арсений об этом не знал. И поэтому, когда в дом пришло письменное напоминание из полка, в котором служил брат, с просьбой прислать пустые бочонки обратно, Арсений стал переживать, что брат украл масло с полкового склада, что это стало известно и бочонки назад требуют по этой причине. Арсений написал брату гневное письмо и получил такой ответ: «А вот куда я дел бочонки, спроси в нижней церкви, у пономаря». После этого урока Арсений принял уже «крепкое и окончательное» решение никого больше не осуждать. «Ну уж на этом – точка, –

сказал он себе. – Ты ведь человек с духовным косоглазием, потому всё тебе и представляется криво и вверх тормашками. Гляди лучше за собой и постарайся стать приличным человеком».

Постоянный анализ своих помыслов и поступков был основным духовным делом Арсения. Испытывать себя он начал очень рано, с самого детства следя за своими помыслами, пожеланиями, словами и делами. Кроме этого, Арсений привыкал каждый вечер анализировать и оценивать прожитый день. Если он понимал, что сегодня был в отношении чего-то недостаточно внимателен, то на завтра обращал на этот недочёт особое внимание. Так он тщательно следил за своим духовным развитием. «Анализ самого себя, – говорил он позже, – это самый полезный из анализов на свете».

Радость жертвы

Война с итальянцами закончилась, и началась немецкая оккупация.⁵⁴ Пока организовывалось движение Национального сопротивления, братья Арсения вернулись в Коницу. Все вместе они стали работать в полях. Арсений делал всё от него зависящее, чтобы хоть чем-то облегчить их труд. Однажды вечером они решили, что с рассветом пойдут вместе в поле, потому что работа не терпела отлагательств. Но тут пришёл сосед и позвал братьев в гости, на пирушку. Братья ушли. Пирушка оказалась столь шумной, что Арсений не мог уснуть. Он ушёл спать в подвал, где хранилась солома. При этом у него даже не было помысла, что раз братья пошли на вечеринку к соседу, то и у него есть право пойти «в гости» к святой Варваре и устроить там «духовный пир», а работа может и подождать. При первых лучах солнца он один отправился в поле. «Надо торопиться, – думал он, – кто знает, до которого часа они проспят». В тот день Арсений работал за троих, и это было запредельно тяжело. Однако он работал и за себя, и за братьев от всего сердца и оттого чувствовал необыкновенную радость.

Да и не только силами Арсений готов был пожертвовать ради своих братьев и сестёр, но и самой жизнью. В начале июня 1941 года, в день, когда оккупационные части немец-

⁵⁴См. сноску 2 на стр. 57.

кой армии вошли в Коницу, два брата Арсения спустились в долину – окучивать кукурузу. Тут в город пришла срочная телеграмма, что немцы скоро войдут в город и что в уже занятых городах и сёлах они сжигают дома и убивают людей. Все жители стали срочно собирать вещи, чтобы схорониться от захватчиков в неприступных горных местах, а Арсений решил срочно бежать в долину и предупредить братьев. Мать не пускала его, потому что все вокруг кричали: «Старшим твоим и так уже конец, Евлогия! Не пускай никуда Арсения, пусть хоть он тебе живым останется!» Но Арсений, никого не слушая, со всех ног побежал вниз. В спешке он плохо завязал шнурки, и, когда бежал через заболоченный луг, ботинки остались в глине. Не останавливаясь ни на секунду, Арсений босиком побежал дальше. Целый час он бежал по каменистому руслу пересохшей реки, заросшему колючками и чертополохом. Когда он добежал до поля, где трудились братья, его босые ноги были сбиты и изранены до мяса. Он только успел крикнуть братьям: «Немцы идут!..» – и они тут же увидели появившихся на дороге немецких солдат с автоматами. «Продолжайте окучивать, – прошептал Арсений братьям, – а я буду делать вид, что пропалываю». Немцы молча прошли мимо, даже не поглядев в их сторону. Только когда они скрылись, Арсений посмотрел на свои ноги и увидел, что они окровавлены и на них нет живого места. До этого момента о ногах он даже не думал и боли не чувствовал. Потом он вспоминал: «Знаете, какая меня переполняла

радость, когда я бежал? Это была радость жертвы. А если бы я пожалел ноги и не побежал, и моих братьев убили бы или покалечили, то потом меня мучила бы совесть, что я пожалел не родных братьев, а свои пятки».

Страдания и опасности. 1944–1948 годы

В октябре 1944 года немецких оккупантов прогнали за границы Греции. Однако тяжёлые испытания, выпавшие на долю греческого народа, на этом не закончились. Отдельные стычки и столкновения, случавшиеся во время оккупации между разными освободительными движениями, после ухода немцев разгорелись в самую настоящую гражданскую войну. При немецкой оккупации братья Арсения воевали в партизанском отряде Зёрваса.⁵⁵ Там они остались и после октября сорок четвёртого, только воевали теперь против многочисленного ополчения коммунистов.⁵⁶ Арсений всё ещё оставался в отеческом доме. Часто его положение было опасным, потому что коммунисты, зная, что его братья воюют против них у Зерваса, всегда имели его заложником и могли его убить.

⁵⁵ *Наполеόν Ζέρβας* (1891–1957) – греческий политический и военный деятель, участник движения Соппротивления. Основал антикоммунистическую Народную республиканскую греческую лигу (ЭДЕС) и руководил её армией, действовавшей в Эпире и некоторых других областях Греции.

⁵⁶ Имеются в виду отряды Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС), одной из крупнейших и наиболее боеспособных составляющих движения Соппротивления во Второй мировой войне во всей Европе. ЭЛАС была создана по инициативе коммунистической партии Греции. До конца 1942 года ЭЛАС и ЭДЕС действовали совместно, но потом началось их военное противостояние.

Сначала коммунисты убеждали Арсения вступить в их ряды, но он бесстрашно отвечал «нет». К своему «нет» он сам относился как к исповеданию веры. Потом коммунисты стали забирать из их дома выючных животных для перевозки грузов в свои отряды. Уходя в эти опасные экспедиции, так называемые «принудиловки», они всегда заставляли Арсения идти вместе с ними.

Один раз ополченцы-коммунисты решили убить Арсения. Три вооружённых бойца взяли Арсения и ещё двух юношей из Коницы, сказав им, что надо якобы перевезти боеприпасы до Буразанского моста (это примерно в двадцати километрах от Коницы). Не доходя до моста, бойцы велели юношам вброд перейти на противоположный берег, а затем открыли по ним огонь из винтовок.

«Ложись!..» – успел крикнуть ребятам Арсений. Сам же он с духовной отвагой выпрямился во весь рост и, отойдя чуть в сторону, стоял живой мишенью, чтобы приковать к себе всё внимание и отвести пули от других. Бойцы долго стреляли, но ни в Арсения, ни в его товарищей не попала ни одна пуля. Когда стало ясно, что у бойцов кончились патроны, товарищи Арсения вскочили и стали кидать в ополченцев камнями. Однако Арсений сдержал их, перешёл реку обратно и, подойдя к бойцам, мирно спросил:

– За что вы хотите нас убить?

– Телемаха – за то, что его мать итальянка! – ответили те. – А тебя и Дионисия – за то, что твои братья и его отец

воюют у Зерваса.

– Благословенная душа, – ответил Арсений, – мы-то в чём здесь виноваты?

Бойцы не нашли что ответить и потупили головы.

В конце концов они вместе вернулись обратно в Коницу. Там некоторые из коммунистов, которые знали, что Арсения и двух других юношей собирались расстрелять, удивились, увидев их живыми, и спрашивали у бойцов: «Зачем вы их обратно-то привели?» Те снова не знали, что отвечать. Однако спасшиеся от верной смерти Телемах и Дионисий были уверены, что их спас Бог по молитвам Арсения.

Однажды вечером в декабре сорок четвёртого Арсений вернулся домой после очередной «принудиловки». Почти вслед за ним в дом вошли два ополченца, один из которых был их знакомый, житель Коницы. Наставив на Арсения оружие, ополченцы схватили его и потащили из дома. Мать попыталась им помешать, но солдат из Коницы чуть её не убил. Арсения привели в здание Школы земледелия, куда собрали около двухсот местных жителей, которые не поддерживали коммунистическую власть в Эпире. Там их продержали почти целую неделю. Потом Арсения пригласили к начальнику гарнизона на допрос.

– Почему тебя задержали? – спросил начальник гарнизона.

– Потому что я против коммунистов. А два моих старших брата воюют у Зерваса.

– А какого лешего они воюют у Зерваса?

– Кто старше: я или они?

– Ну, они.

– Раз они старше, то и отчёт мне давать не обязаны.

– Поговори мне ещё так дерзко! – вспылil начальник гарнизона. – Скоро мы твоей головой будем в футбол играть!

– Футбол так футбол, – ответил Арсений.

Коммунисты прекрасно знали, что Арсению действительно всё равно, что станет с его головой, но не всё равно – что будет с его душой. Поэтому они решили «наказать его душу» и подвергнуть опасности её. Они закрыли его в комнате и привели туда двух почти раздетых девиц лёгкого поведения. Увидев их, Арсений стал молиться: «Пресвятая Матерь Божия, помоги мне!» Благодать Божия покрыла целомудренного юношу, и он смотрел на этих несчастных девушек бесстрастно. Он начал с болью разговаривать с ними, им стало стыдно, и они попросили у охраны, чтобы их увели.

Потом Арсений с большой любовью вёл себя с человеком, который его арестовал и конвоировал в Школу земледелия. Однажды, когда тот проходил мимо, Арсений очень искренне и тепло с ним поздоровался. Один знакомый, оказавшийся свидетелем этой сцены, засомневался:

– Слушай, Арсений, разве не этот тип тебя арестовал?

– Слушай, а разве мы должны жить по закону Моисееву? – спросил в ответ Арсений. – *Око за око и зуб за зуб.*⁵⁷

⁵⁷ Ср. Втор. 19:21.

А в другой раз тот же самый человек проходил мимо их поля, когда вся семья сидела и обедала.

– Эй, Панайóтис, садись обедать с нами! – весело позвал его Арсений.

Сидевшая рядом с Арсением мать изумлённо прошептала:

– Неужели ты забыл, что он нам сделал?

– А ты, мама, неужели забыла, что написано в Евангелии? – прошептал Арсений в ответ.

Летом 1946 года, измученный постоянными «принудилолками», Арсений, взяв с собой младшую сестру Христину, на два месяца уехал из Коницы в Янину. Там они сняли жильё и пустили к себе одного земляка из Фарас, который в армии попал под влияние протестантской секты евангелистов. Арсений этого не знал, но увидев, что солдатский вещмешок гостя битком набит сектантскими брошюрками, сжёг их. Когда сестра попросила не сжигать всё, а оставить что-то на растопку печи, Арсений ответил: «Как ты думаешь, добрый ли огонь ты ими разведёшь? Посмотри, с них же яд каплет».

Зимой 1946/47 года на одной из «принудилолок» Арсений упал в реку и чуть не утонул. Благой Бог сохранил его от смерти. Но когда Арсений вернулся домой и рассказал об этом отцу, тот решил спрятать его и лошадей в подполе. Доски пола разобрали, всех спустили вниз, а потом снова настелили пол, оставив только хорошо замаскированный люк. Несколько дней спустя дом семьи Эзнепидисов, как и боль-

шинство домов в Конице, был отдан под постоянный подразделению ополченцев. Отец сказал им, что Арсений уехал куда-то по семейным делам, а лошади потерялись. Ополченцы не поверили. «Если найдём твоего сыночка и животных, то всю семью поставим к стенке», – пообещали они. Солдаты перерыли весь дом, но лошади в подвале не издали ни звука, и поиски окончились ничем. В этом подвале в компании животных Арсений просидел сорок дней. Все эти сорок дней ни одна из лошадей ни разу не фыркнула и не заржала. А сам Арсений радовался, что живёт как подвижник *в про́пастях земных*.⁵⁸

Однажды в их дом пришла знакомая турчанка и сказала матери: «Там, где вы прячете Арсения, он погибнет. Давайте лучше мы спрячем его у себя». На следующий день один турок пришёл за Арсением и отвёл его в сарай за своим домом, где уже были спрятаны трое юношей. Там они скрывались три месяца, зимой, не зажигая огня. Иногда днём они ненадолго заходили погреться в турецкий дом. Трое других юношей стали чувствовать себя более уверенно после того, как к ним присоединился Арсений. Видя, как он постоянно молится, слыша, как он обращается к кому-то из них своим любимым приветствием: «Эй, благословенная душа!..» – они чувствовали, что с ними пребывает благословение и покров Бога. И действительно, однажды, когда в дом турка нагрянули с обыском, юноши чудом спаслись от ареста и гибели

⁵⁸ Ср. Евр. 11:38.

– благодаря смелому и находчивому поведению одного маленького турецкого мальчика.

Во время Коницкого сражения

В декабре 1947 года, незадолго до большого сражения в Конице,⁵⁹ к городку стали в большом количестве стягиваться отряды ополченцев со всего Эпира. Видя это, Арсений подумал: «Эти люди голодны. Отнесу им немного хлеба». Он замесил тесто, выпек столько хлеба, сколько мог унести, и отнёс его ополченцам. Вначале те встретили Арсения с подозрением, однако потом в их сердцах отозвался его исполненный любви поступок. Арсений же давал им хлеб так, словно отдавал его в руки Самого Христа, и они это почувствовали.

На рассвете святого дня Рождества Христова сводные отряды ополченцев начали штурм Коницы. В следующие несколько дней маленький эпирский городок превратился в страшное поле битвы. Улицы были заполнены телами убитых горожан, и даже родные боялись забирать их для погребения. Арсений вместе со священником и пономарём соби-

⁵⁹ В конце 1944 года Греция избавилась от фашистской оккупации преимущественно благодаря действиям Народно-освободительной армии (ЭЛАС). Однако страна не получила независимости, а оказалась под контролем Великобритании и США. Началась гражданская война, в которую были вовлечены правительственные войска, разрозненные армии и партизаны. Войска ополчения ЭЛАС были оттеснены в северные районы Греции, на границы с Албанией и Югославией, от которых они получали поддержку. Правительственные войска контролировали Коницу, но ополченцы ЭЛАС хотели этот город сделать столицей своего независимого государства. Ожесточённая, но безуспешная осада этого города началась 25 декабря 1947 года и продолжилась 12 дней – до 6 января 1948 года.

рали тела убитых и относили их к кладбищенской церкви. Слыша свист мины, они падали на землю, потом вставали и продолжали своё скорбное дело.

После победы Национальной армии одно из её подразделений получило приказ «зачистить» всех коммунистов в городе. В каком бы месте города ни оказывался Арсений в страшные дни исполнения этого приказа, он с мужеством исполнял заповедь святого апостола Павла, сказавшего: *Никто не ищи своего, но каждый – пользы другого*.⁶⁰ Видя, как солдаты ведут расстреливать целые колонны не сделавших никому ничего плохого людей, виноватых только тем, что они коммунисты, Арсений грудью становился на их защиту и умолял: «Остановитесь! Что плохого сделали эти люди?»

⁶⁰ 1 Кор. 10:24.

Коница (фотостудия П. Цингулиса, Коница)

В один из этих страшных дней Арсений увидел, как лейтенант Национальной армии держит список с именами коммунистов и просит одного местного жителя пойти с ним и показать их дома. Тот боялся и говорил, что не знает, где живут эти люди. Тогда Арсений, желая выпутать его из трудной ситуации, сказал лейтенанту: «Я покажу вам их дома. Я работал у них столяром вместе со своим мастером». Лейтенант обрадовался, нагрузил на Арсения гранатомёт и несколько гранат, и они двинулись по Конице – разрушать дома коммунистов. Однако, как только они останавливались напротив какого-то дома, Арсений говорил: «Нет, здесь коммуни-

сты не живут! Здесь, наоборот, живут те, кто против коммунистов!» Наконец, когда они стояли напротив одного дома, лейтенант понял, что Арсений водит его за нос, и стал заряжать гранатомёт. «Он против коммунистов! Он против коммунистов! – повторял Арсений и добавлял: – А ещё у него девять детей». Однако видя, что лейтенант уже готовится выстрелить, Арсений бросился в дом и в последнюю минуту вытащил на улицу всех, кто там находился – кого криками, а кого и за шкуру. Через несколько мгновений гранатомёт выстрелил – и дом рухнул. Так в последний момент были спасены десять человек.

После этого лейтенант стал заряжать гранатомёт, чтобы разрушить другой дом. Арсений умолял Бога ему помешать. И вот, видимо, по невнимательности лейтенанта, произошёл преждевременный разрыв снаряда, и лейтенант упал, обливаясь кровью. Арсений взвалил его на плечи и отнёс в госпиталь. Вся одежда Арсения была в крови, и когда он возвращался домой, патруль задержал его как подозрительное лицо, но, выяснив, в чём дело, отпустил. «Конечно, – вспоминал потом преподобный старец, – всё то, что я тогда делал, было умопомешательством. Но Бог сделал так, чтобы я остался в живых. Если ты не боишься, но радуешься тому, что своей смертью спасёшь от смерти другого человека, Бог устраивает всё так, чтобы ты остался в живых».

Глава III. Военная служба

Местность между Криаци и Элатоврис

В Центре подготовки молодого бойца

В апреле 1948 года Арсений был призван в ряды Вооружённых сил Греции и начал проходить срочную службу. Вначале его на два месяца отправили в Центр подготовки молодого бойца в Триполис.⁶¹ Обучение там было жёстким. Однако эту «жёсткость, высекающую искры отваги» преподобный старец часто вспоминал потом с благодарностью. «Чем жёстче были инструкторы в учебке, – говорил он, – тем отважнее были потом солдаты в бою. И чем больше пота лилось со спин новобранцев во время учений, тем меньше крови проливалось на войне». Этими словами преподобный хотел подчеркнуть, что в духовной жизни тоже необходимы как правильная «подготовка молодого бойца», так и любочестный подвиг.

В учебке Арсения назначили старшим над другими сорока новобранцами. Их группа относилась к Управлению военно-церковной службы и называлась «Команда В-10». Солдаты, входившие в неё, собирались раз в неделю, и Арсений читал им отрывки из Евангелия. Однажды нескольких солдат из этой команды ложно обвинили в краже молока с продовольственного склада части. Командир вызвал к себе Арсения и накричал на него: «В Учебном центре столько солдат, но никто из них не додумался молоко воровать – кроме

⁶¹ *Триполис* – город в Греции, центр Пелопоннеса.

вас, церковников!.. Даю десять дней, а потом ваша команда будет расформирована!» Арсений собрал команду, передал приказ командира и добавил от себя: «Давайте помолимся. Если Богу угодно, чтобы нас расформировали, пусть расформируют. А если нет на то воли Божией, ничего они с нами сделать не смогут». Бог не замедлил с ответом. Во-первых, через пять дней выяснили, что никто из членов церковной команды к краже молока не причастен. А во-вторых, командир Центра получил срочную телеграмму из Генерального штаба с требованием усилить «Команду В-10». Командир вновь вызвал Арсения, извинился перед ним и приказал: «Сделай всё возможное, чтобы усилить команду, боец! Начальство требует».

В Пехотной школе связи

После курса молодого бойца и сдачи устных экзаменов Арсения распределили в войска связи. Это было чудом святой Варвары, которую он просил перед призывом так: «Святая моя Варвара, пусть на войне будет опасно, только помоги мне, чтобы я никого не убил». И вот, хотя многие из его сослуживцев по учебке были более образованны, их отправили на передовую простыми пехотинцами. А Арсения, который отучился в одной лишь начальной школе, взяли в радисты. Сослуживцы были уверены, что у него есть какой-то сильный покровитель в Генеральном штабе, и заставляли Арсения в этом признаться. Он отнекивался, но когда те настаивали, отвечал: «У меня действительно есть Покровитель, только не в Генеральном, а в другом Штабе. И зовут этого Покровителя – Христос».

Для освоения воинской специальности радиста Арсения направили в Салоники, в Пехотную школу связи. Обучали там по сокращённой программе, чтобы курсанты как можно быстрее отправились на фронт. Вместо полугода учёба продолжилась три месяца – с июня по сентябрь 1948 года. Вначале Арсению с его шестью классами школы пришлось нелегко. Однако он быстро полюбил специальность радиста и потом часто сравнивал службу радиста с молитвенным деланием. «Как радист чувствует себя более уверенно, находясь на по-

стоянной связи с Центром, – говорил преподобный, – так и человек молящийся: чем больше он молится, тем увереннее себя чувствует».

В расположении Школы Арсений вёл себя с духовной тонкостью и чуткостью, которые стяжал к тому времени постоянным наблюдением за собой. Один курсант часто просил у него денег, якобы для того, чтобы отсылать их своей жене. Арсений давал. Другой курсант, заметив это, стал отговаривать Арсения: «Не давай ему денег! Никакой жене он ничего не посылает – ещё и сам у жены просит, чтобы она ему прислала!» Однако Арсений продолжал давать деньги. Он считал, что если перестанет их давать, его сослуживец станет ещё больше опустошать карман своей жены. Но, давая ему деньги, Арсений старался задеть его любочестие и говорил: «Вот, пошли это твоим детям». Он верил, что эти слова западут в душу его сослуживца и тот будет хоть немного помнить о своих детях.

Каждый день курсанты Школы пели патриотические песни, которые трогали и воодушевляли Арсения. Потом он вспоминал: «В армии мы пели солдатские и патриотические песни: и когда шли на учения, и когда возвращались в казармы. Патриотическая песня укрепляет любовь человека к Родине, воодушевляет его и делает более решительным. Похоже на церковные песнопения – сердце человека, который их поёт, охватывает огонь, он приходит в состояние духовного умиления и божественного радования».

Однажды курсанты их роты, желая подшутить над командирами, договорились, что в следующий раз при команде «Запевай!» они будут лишь открывать и закрывать рты, но при этом не издадут ни звука. Арсению они об этом ничего не сказали, зная, что он всё равно не согласится на эту проделку. Когда офицер приказал запевать песню «На Пинда греческих вершинах»,⁶² запел только Арсений. Офицер приказал всей роте, кроме Арсения, бегать по периметру плаца. На каждом углу плаца он поставил сержантов и велел бить пробежавших широкими солдатскими ремнями. Арсений побежал вместе с ротой, не желая себе никаких побряжек и предпочитая пострадать вместе со всеми. Стояло ужасное июньское пекло, солдатские гимнастёрки можно было выжимать от пота. Вдобавок Арсений был очень истощён, потому что и в армии он не ел ничего мясного. Ротный выкрикивал его имя, фамилию, потом кричал: «Плотник, немедленно выйти из строя!» – но Арсений продолжал бежать вместе со всеми, пока не упал. «А вот сейчас, курсант, надо тебя вздуть! – сказал ротный. – За то, что ты не подчинился приказу и бегал вместе со всеми!» Однако в другой раз, когда ротный приказал петь какую-то легкомысленную песенку, Арсений отказался и с дерзновением ответил ротному: «У таких песенок с любовью к Родине нет ничего общего».

Когда Арсению на несколько часов давали увольнитель-

⁶² Греческий военный марш середины XX века.

ную, он шёл в район, где жили беженцы из Фарас. Там он узнал много новых подробностей из чудесного жития Хаджефенди. Некоторые из этих беженцев были «живыми свитками жития преподобного Арсения», с благоговением хранившими в себе сказанное и сделанное святым.

Получив краткосрочный отпуск, Арсений исполнил своё заветное желание и впервые в жизни посетил Святую Афонскую Гору. Он посетил монастырь Филофей, одним из насельников которого был его родственник, бывший житель Фарас, иеромонах Симеон. На корабле по Промыслу Божию Арсений познакомился с добродетельным старцем, иеромонахом Кириллом из Кутлумушского скита.⁶³ Эта встреча произвела на Арсения особое впечатление. Семь лет спустя старец Кирилл на большой срок примет его под своё духовное руководство.

⁶³ См. *Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорские истории*. С. 126–129.

«Буйная рота»

В октябре 1948 года Арсений закончил обучение воинской специальности и в качестве радиста был зачислен в разведроту, располагавшуюся в городе Агри́нион.⁶⁴ Эта рота была освобождена от строевой подготовки, изучения устава и тому подобного. Её задачей был поиск и уничтожение отрядов ополченцев в горах Центральной и Западной Греции. О том, как героически рота-невидимка выполняла боевую задачу, преподобный старец вспоминал позже, когда, будучи монахом, он стал невидимым для посторонних глаз героем Христовым. Через сорок лет преподобный Паисий напишет: «Помпезность и трезвон не помогают добиться даже мирской цели. На войне я служил в отдельной разведроте, и мы всё время скрывались: то за горами, то под горами. На параде строевым шагом за всю войну я не прошёл ни разу».

Разведроту, где служил старец, прозвали «буйной», поскольку её офицеры, а также многие из солдат были смельчаками «с сумасшедшей жилкой». Они воевали мужественно, не беря в расчёт опасности и злоключения. Такая же «сумасшедшая жилка» была и у Арсения, который всегда был готов совершить жертву ради Бога и ближнего.

В начале суровой зимы 1948/49 года рота разбила лагерь

⁶⁴ Агри́нион – город в Западной Греции, крупнейший населённый пункт области Это́лия и Акарна́ния.

недалеко от вершины горы Ома́лия, на высоте около 1 800 метров от уровня моря. Эта гора была естественным наблюдательным пунктом, откуда можно было контролировать почти всю горную область вокруг Навпáкта.⁶⁵ Там в ночь на 21 ноября лагерь накрыла страшная снежная буря. За несколько часов завалило много палаток, и большинство солдат оказались заживо погребёнными под снежными завалами.

Поняв, что рота находится в опасности и может остаться под снегом и льдом навсегда, Арсений побежал к командиру. Тут же забили тревогу, и немногие солдаты, оказавшиеся не под снегом, побежали раскапывать остальных. Но снег валил не переставая. С каждым часом обмороженных становилось больше и больше, и ротный врач как мог пытался их спасти. Арсений, несмотря на то что снег залеплял ему лицо и почти не давал дышать, не останавливаясь, работал мотыгой – насколько позволяли обледеневшие руки. В ту ночь он выкопал из-под снега двадцать шесть обмороженных. Одновременно из всех душевных сил он горячо просил Бога прислать им помощь. И помощь не замедлила: в утренних сумерках солдаты увидели, как к ним поднимаются три крестьянина из близлежащей горной деревни Элату́. За плечами у них были огромные бутылки с домашней водкой. С помощью этой водки ротный врач смог привести в чувство и вернуть к жизни обмороженных солдат. В сопровождении крестьян рота пошла вниз, в деревню, где жители разобрали солдат по сво-

⁶⁵ *Навпáкт* – город в Греции, второй по величине в Этолии и Акарнании.

им домам и их отогрели. Потом преподобный старец часто вспоминал ту тяжёлую ночь и говорил: «В тех снегах я чувствовал огромную, ни на что не похожую радость. Это была радость жертвы».

Село Элату под горой Омалия (фото Хрисанфы-Василики Боца, Афины)

Отогревшись, рота спустилась ниже, чтобы до конца зимы встать лагерем на высоте Макривалто, иначе называемой «Святой Иоанн» – по находившейся там церковке Честно-

го Иоанна Предтечи. Эта высота тоже имела выгодное тактическое положение. Ротный приказал солдатам рыть в земле глубокие ямы, застилать их брёвнами, сверху покрывать досками и листами жести. В углу крыши было отверстие для выхода дыма – солдаты могли разводить в этих блиндажах огонь и греться.

Досок для блиндажей не хватало, и ротный послал за ними Арсения в одну из расположенных неподалёку деревень, жители которой почти все ушли, боясь ополченцев. Председатель сельской общины предложил разобрать заборы и сараи, но у Арсения не поднялась на такое дело рука, и он отказался. Он считал варварством рушить хозяйство людей, которые столько лет страдали от войны, а сейчас были вынуждены даже оставить свои дома. Арсений вернулся в лагерь с пустыми руками и предложил ротному отправить в центр радиogramму с просьбой привезти им доски. «Тебе даже такое простое дело нельзя поручить!» – рассердился офицер и послал за досками других солдат.

Однако когда блиндаж, в котором находилась радиоточка, заливало водой и Арсений, укрывая и налаживая технику, промокал до нитки, ротный говорил ему:

– Я спокоен, когда ты делаешь эту работу. Но мне жалко глядеть, как ты мучаешься. Пусть второй радист тоже помогает!

– Господин командир, мне всё это только в радость! – любознательно и решительно отвечал Арсений, заставляя коман-

дира гордиться, что в его роте служит такой солдат.

Запасов продуктов не хватало, и Арсений, желая, чтобы сослуживцам досталось больше, брал себе как можно меньше. Мяса он никогда не ел. Когда раздавали молоко, он отдавал свою порцию тем из сослуживцев, кто выглядел слабее других. Единственное, что расстраивало Арсения, – так это то, что он не мог поститься безупречно, поскольку готовили в роте на животном жире. Поэтому часто он довольствовался солдатской галетой – настолько сухой, что её тяжело было разбить даже камнем. Во время приёма пищи Арсений, стараясь остаться незамеченным, садился в сторонке и грыз свою галету, думая о Хаджефенди, который питался ячменными лепёшками. А когда кто-то из солдат жаловался хлебоборезу на маленькие порции, тот отвечал: «Да вы бы лучше на Арсения посмотрели! Ему что ни дай – всегда доволен. Он что, не такой же солдат, как и вы? И в службе молодец, и никогда ничего не просит».

Также Арсений был образцом нравственной безупречности. Часто одним своим присутствием он спасал девушек от неподобающего поведения солдат. А однажды произошло и следующее чудесное событие. Зимой солдаты его роты брали в соседних деревнях мулов для перевозки грузов. Вместе с мулами на работы забирали и местных крестьян: и мужчин, и женщин. Однажды, когда крестьяне с мулами были недалеко от Макривалто, наступила ночь, а дороги были завалены снегом. Крестьяне соорудили шалаши из еловых ветвей

и стали устраиваться в них на ночлег. Один из солдат залез в такой шалаш и начал приставать к местной девушке. Он приставал к ней так настырно, что она была вынуждена выбежать из шалаша и ночью по колено в снегу уйти куда глаза глядят – лишь бы подальше. Одна старуха из той же деревни пошла по её следам и нашла её под навесом церкви Честного Предтечи. Дверь была закрыта, и внутрь зайти они не могли. Однако Честной Предтеча не оставил их без помощи. Он явился Арсению, который в это время спал, и велел ему как можно быстрее бежать к храму. Арсений побежал и нашёл возле храма окоченевших от холода и стоявших по колено в снегу женщин. У него были ключи от храма, потому что он приходил туда зажигать лампадки. Он открыл дверь и завёл несчастных внутрь. Когда они рассказали ему, что произошло, он спросил девушку:

– Как же ты решилась ночью, в горах, одна идти сама не зная куда?

– Это было всё, что я могла сделать, – ответила девушка. – Я верила, что в остальном мне поможет Христос.

Тогда Арсений, не просто для того чтобы их утешить, а потому что ему действительно стало больно за них, сказал: «Всё! Закончились ваши муки. Завтра пойдёте по домам». И действительно, на следующий день пригнали солдат, те расчистили дороги, и крестьян отпустили по домам. Через много лет преподобный Паисий напишет: «Честной Предтеча позаботился о девушке, которой была небезразлична её

честь, и привёл её в свою церковь, о существовании которой она даже не знала. Вот такие дочери Эллады должны быть её похвалой и чудесным примером для других».

Как только снег немного сошёл, рота начала выходить в многодневные горные рейды, чтобы ополченцы, зная о близости войска, оставили в покое деревни. В этих изнурительных рейдах не хватало ни воды, ни пищи, ни обмундирования. Иногда солдаты шли босиком по снегу и пили воду из следов от лошадиных копыт. Арсений совсем не думал о себе, но делал всё возможное, чтобы помочь другим. Второму радисту он не давал сопровождать мула, который перевозил большую рацию, чтобы уменьшить его риск быть убитым или раненным (радист рядом с гружёным мулом – лёгкая добыча для снайпера). Постоянно находясь с мулом, Арсений не мог отойти в лес, как другие солдаты, чтобы найти себе там что-то съедобное. Но несмотря на то, что он был совершенно истощён от голода, тяжёлые рации на мула и с мула он всегда грузил один. Иногда он носил их на собственной спине. Когда второй радист просил его разрешить что-то сделать и ему, Арсений отвечал: «Нет. У тебя жена и дети. Если тебя убьют, мне придётся отвечать за тебя перед Богом».

Часовня святого Иоанна Предтечи в Макривалто

Постоянные злострдания и великие трудности не пугали Арсения. Его не страшила даже опасность смерти, которой он часто подвергался во время боёв с отрядами ополченцев. Наоборот, это обостряло в нём чувство, что он находится под покровом Бога. Кроме того, он и за жизнь свою не цеплялся, предпочитая, чтобы в живых остался кто-то другой. Однажды, когда они готовились к бою, он вырыл себе одиночный окоп, в котором спрятался сам и укрыл рацию. Когда ополченцы начали обстреливать их позиции из миномётов, один солдат подполз к окопу и спросил: «Арсений, я влезу?» — «Залезай», — разрешил Арсений, но через несколько секунд

с тем же вопросом подполз ещё один солдат. Чтобы дать место второму, Арсений вылез из окопа. Вокруг рвались мины. Вдруг Арсений почувствовал, как осколок, словно сильный порыв ветра, чиркнул его по голове. Каски на нём не было, только вязаная солдатская шапочка. Осколок сбрил волосы на его голове, оставив голую полосу в шесть сантиметров шириной. Но даже ожога не было – так хранил Арсения Бог.

А ещё Благой Бог исполнил одно желание Арсения, который всё, что у него было, раздавал другим. Исполняя слова: *Даст ти Господь по сердцу твоему*,⁶⁶ Он прислал Арсению в горы Евангелие. Своё Евангелие он раньше отдал одному своему сослуживцу, но через несколько дней, когда наступил Рождественский сочельник, подумал: «Будь у меня сейчас Евангелие, как бы оно мне помогло!» В самый день Рождества Христова в их роту пришли посылки от жителей города Месолонги⁶⁷ с гостинцами и подарками на Рождество. Посылок было 200, Евангелие – только в одной: в той, которая досталась Арсению.

⁶⁶ Пс. 19:5.

⁶⁷ Месолонги – прибрежный город в Этолии и Акарнании.

Рация спасает роту

В феврале 1949 года Национальная армия освободила от ополченцев город Карпеніси. Рота, в которой служил Арсений, получила приказ дислоцироваться в городке Арахова в Навпактских горах и подключиться к обнаружению и уничтожению отрядов ополченцев. В одну из ночей на высоте недалеко от Араховы 180 солдат разведроты оказались окружены отрядами ополченцев, общей численностью 1 600 бойцов. Всю ночь рота отчаянно оборонялась, укрывшись за скалами. Арсений пытался установить антенну, чтобы связаться с Центром и попросить помощи. Один лейтенант кричал: «Брось ерундой заниматься! Помогай лучше таскать ящики с гранатами!» Арсений таскал ящики, но снова и снова возвращался к рации. Антенну постоянно сбивало пулями и осколками, и связь установить не удавалось. Наконец Арсению удалось связаться и прокричать в рацию несколько слов с их координатами и описанием тяжёлого положения. Этого оказалось достаточно: на рассвете прилетела штурмовая авиация и разбомбила ополченцев. Рота была спасена.

Потом преподобный Паисий приводил в пример этот бой, желая провести параллель между служением монаха и делом радиста. «Монахи, – писал он, – это радисты Матери-Церкви. И уходя подальше от мира, они делают это по любви. Удаляясь от мира, они удаляются от мирских «радиопомех» для

того, чтобы быть в состоянии лучше установить связь с Богом. Так они помогают миру больше и результативнее. Некоторые архиереи и церковные чиновники требуют, чтобы монахи спускались с уединённых горных вершин и возвращались в мир, "чтобы ему помочь", но они ведут себя неразумно. Они похожи на тех не отличающихся великим умом военных, которые, видя, что их отряд окружён, истерично кричат, чтобы радист бросил рацию, схватил винтовку и начал стрелять вместе со всеми. Как будто ещё одна винтовка, прибавленная к уже стреляющим двум сотням, сможет что-то изменить. А радист воюет по-другому. Он срывает голосовые связки, крича в микрофон непонятные для других слова: "Приём! «Душа»!.. Приём! «Душа»!.." – а все вокруг думают, что он просто выбрасывает на воздух много пустых и ненужных слов. Только вот радисты не дураки и не обращают на это внимания. Они не слышат, как сослуживцы осыпают их ругательствами, но изо всех сил пытаются установить связь с Центром. Как только связь установлена, они просят немедленной помощи у Генерального штаба, и тогда становится понятно, что «Душа» – это позывной радиста. И помощь приходит – но уже не в виде лишней и по сути бесполезной винтовки, а целыми эскадрильями штурмовиков, бронетанковыми полками, до зубов вооружёнными линкорами и непотопляемыми эсминцами. Так люди спасаются из безвыходной ситуации».⁶⁸

⁶⁸ См. *Старец Паисий Святогорец*, Письма. М.: Святая Гора, 2008. С. 25. –

Здесь и далее, цитируя изданные творения преподобного Паисия и других святых отцов, мы зачастую не следуем старому переводу, но приводим свой, новый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.